

ПАВЕЛ ЛИМОНОВ

ПЛЕННЫЙ ДРАКОН

ШЕСТАЯ ХОЗЯЙКА

Павел Лимонов

Пленный дракон.

Шестая хозяйка

<https://litres.ru/74671454>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пять женщин владели этим драконом. Все пятеро умерли. Последней была моя сестра.

Чтобы узнать правду о ее смерти, я принимаю наследство: мрачную крепость, магический ключ и Каэра Рейнда — опасного дракона-военачальника, девять лет закованного в цепи.

Все называют его убийцей. Но при первой встрече он смотрит на мой браслет и произносит:

— Откажись от контракта. Пока еще можешь.

Слишком поздно. Договор подписан. И теперь у меня всего тридцать дней, прежде чем я повторю судьбу предыдущих хозяек.

В крепости исчезают документы, за каждой дверью скрывается ложь, а единственный мужчина, которому я начинаю доверять, по закону принадлежит мне.

Но чем ближе разгадка, тем страшнее правда: дракон здесь не единственный пленник.

И чтобы спасти нас обоих, мне придется разрушить магию, которую никто не смог победить за девять лет.

Вот только свободный дракон больше не обязан оставаться рядом со мной...

Содержание

Глава 1. Пятая умерла до меня	5
Глава 2. Не его огонь	72
Глава 3. Договор, которого не было	135
Конец ознакомительного фрагмента.	197

Павел Лимонов

Пленный дракон.

Шестая хозяйка

Глава 1. Пятая умерла до меня

В свидетельстве о смерти моей сестры не хватало одной подписи.

Точнее, самой важной.

Я проверила документ трижды, хотя с первого раза поняла, что произошло. За девять лет работы с коронными печатями я научилась отличать случайную канцелярскую ошибку от той, которую оставляют намеренно.

Случайные ошибки обычно исправляли.

Эту аккуратно заверили гербовой печатью.

— Кто осматривал тело? — спросила я.

Северин Хольт сидел по другую сторону стола и терпеливо ждал, пока я дочитаю заключение. Его длинные сухие пальцы покоились на кожаной папке. На среднем пальце правой руки темнело кольцо ведомственного смотрителя.

Я прекрасно помнила это кольцо.

Два года назад Хольт постукивал им по столу, пока объяснял, почему мне больше нельзя работать с коронными до-

говорами.

Теперь он собирался объяснить, как умерла моя сестра.

— Осмотр проводился в крепости, — ответил он.

— Я вижу, где он проводился. Кто именно?

— Медицинская служба.

— Имя, Северин.

Его брови едва заметно поднялись.

Раньше я обращалась к нему «наставник». Потом — «господин смотритель». За последние десять дней оба обращения успели мне надоесть.

— Нора, я понимаю, что вы переживаете тяжелую утрату.

— Имя лекаря.

Хольт подвинул ко мне документ.

— Заключение заверено лично мной.

— Вы не лекарь.

— Но я отвечаю за безопасность коронных магических объектов.

— Моя сестра не была объектом.

Он вздохнул, словно я придиралась к несущественной формулировке.

Я снова посмотрела на бумагу.

Лиана Велант.

Тридцать два года.

Причина смерти: самопроизвольный выброс драконьего пламени при исполнении обязанностей хранительницы.

Со дня смерти прошло десять дней.

Ниже красовалась круглая печать Управления коронного надзора. Под ней — размашистая подпись Хольта.

А там, где должны были находиться имя и подпись человека, непосредственно установившего причину смерти, оставалось пустое место.

В обычном городском морге из-за подобного нарушения отказались бы выдавать даже тело торговца, умершего собственной смертью. В случае с Лианой отсутствие подписи никого не смутило.

— Ее можно увидеть? — спросила я.

— После оформления необходимых документов.

— Я уже подала заявление.

— Оно рассмотрено.

— И отклонено.

— До завершения служебной проверки доступ посторонних к месту происшествия ограничен.

— Я ее сестра.

— Вы не являетесь действующим сотрудником ведомства.

Вот мы и добрались до главного.

Я положила свидетельство на стол.

Бумага была плотной, дорогой. Лиана любила такую. Говорила, что на хорошей бумаге даже неприятные решения выглядят окончательными.

Когда мы были детьми, она покупала по одному красивому листу на каждую зиму и составляла список того, что мы непременно сделаем весной. Наш отец смеялся над ее се-

рьезностью. Мать прятала исписанные листы в коробку из-под праздничного печенья.

Весной мы редко исполняли половину обещаний.

Зато Лиана всегда писала новые.

Теперь за нее написали последний документ. И даже не потрудились заполнить его правильно.

— Что вы предлагаете? — спросила я.

Хольт раскрыл папку.

— Я предлагаю возможность получить ответы.

На стол лег второй документ. Значительно толще первого.

На верхней странице было указано мое имя.

Нора Велант.

Назначенная преемница по наследственному распоряжению Лианы Велант.

Должность: хранительница коронного пленника Каэра Рейнда.

Внизу стояло слово, которое я уже успела возненавидеть за время переписки с управлением.

Хозяйка.

— Лиана ничего мне об этом не говорила, — произнесла я.

— Не успела.

— Она могла написать.

— Возможно, не хотела тревожить вас раньше времени.

Я посмотрела на него.

— Вы знали мою сестру настолько хорошо, чтобы рассуж-

дать о ее желаниях?

— Последние месяцы мы тесно сотрудничали.

Это было новостью.

Лиана служила в канцелярии. Она умела находить пропавшие платежные ведомости, договариваться с поставщиками и добиваться от чиновников того, чего те не хотели делать. Магическими печатями она никогда не занималась.

Когда три месяца назад сестра сообщила, что получила новое назначение, я пыталась расспросить ее подробнее.

«Хорошая должность, Нора. Жалованье почти вдвое выше. И у меня наконец будут собственные комнаты».

Я тогда спросила, в какой части города.

Она засмеялась.

«Не совсем в городе».

После этого мы поссорились.

Глупо и некрасиво.

Я обвиняла ее в том, что она снова согласилась работать на людей, которые однажды лишили меня профессии. Лиана отвечала, что принципы не оплачивают жилье и что ей надоело слышать, будто любое сотрудничество с короной равносильно предательству.

Последнее письмо от нее пришло за двенадцать дней до смерти.

Три короткие страницы о холодной погоде, неудобной кровати и женщине по имени Марта, которая готовила отвратительный травяной отвар. Ни слова о драконе.

В конце Лиана приписала:

«Когда вернусь, поговорим без ссор. Ты обещала показать мне свою новую мастерскую».

Я перечитала эту строчку столько раз, что почти стерла чернила пальцем.

— Почему назначили именно ее? — спросила я.

— Ваша сестра соответствовала требованиям.

— Каким?

— Профессиональная благонадежность, подходящие личные обстоятельства, восприимчивость к договорной магии.

— Лиана была канцелярским служащим.

— Для обязанностей хранительницы специальные знания не требуются.

— Однако пять женщин, занимавших эту должность, мертвы.

Хольт медленно закрыл папку.

— Об обстоятельствах их смерти ходит слишком много нелепых слухов.

— Значит, их было не пять?

— Пять.

— И все умерли, находясь при одном пленнике?

— Да.

— А теперь вы хотите, чтобы я стала шестой?

— Я хочу предложить вам исполнить волю сестры.

Меня передернуло.

Он заметил. Конечно, заметил. Северин Хольт редко про-

износил лишние слова и никогда не упускал возможности использовать те, которые действовали.

— Прочитайте договор, — предложил он. — Не спешите с отказом.

Я взяла первый лист.

Почти сразу увидела знакомую формулировку: временное хранение коронного имущества особой опасности.

Дальше шли размеры жалованья, предоставляемые покои, содержание гарнизона и обязанности надзора. Указывалось, что дракон находится под постоянным воздействием удерживающей печати, а назначенная хозяйка получает ключ управления.

Слово «ключ» сопровождалось слишком кратким объяснением.

Я перевернула страницу.

Потом еще одну.

— Почему здесь нет полной схемы привязки?

— Потому что полная схема является закрытой военной документацией.

— Я должна подписать договор, не видя, к чему именно меня привязывают?

— Вы получаете право ознакомиться с ней после вступления в должность.

— Очень удобно.

— Нора, я помню ваши прежние возражения против ведомственных процедур. Надеюсь, теперь вы понимаете, что

не все ограничения существуют для того, чтобы усложнить вам жизнь.

Я пропустила замечание мимо ушей.

На седьмой странице нашла то, что искала.

«Хранительница вправе добровольно сложить полномочия путем подачи письменного уведомления коронному смотрителю».

Ниже стояло уточнение, что отказ не влечет штрафных взысканий.

Я прочитала пункт еще раз.

— Я могу уйти?

— Разумеется.

— В любой момент?

— В соответствии с установленной процедурой.

— Сколько она занимает?

— Обычно не более трех дней.

Я подняла глаза.

— И после этого я перестаю быть хозяйкой?

— Ваши полномочия прекращаются.

Он ответил именно на заданный вопрос.

Тогда я не придавала значения тому, чего в ответе не было.

Меня интересовало другое.

Три дня.

Мне требовалось попасть в крепость, увидеть тело Лианы, прочитать записи о последних неделях ее жизни и выяснить, кто оформил заключение без медицинской подписи.

Три дня могли оказаться достаточными.

Если нет, я могла оставаться дольше. Но не обязана была сидеть в крепости до конца своих дней.

И все же пять смертей не выходили из головы.

— Почему предыдущие хранительницы не воспользовались этим правом?

— У каждой были личные причины.

— Все пять решили остаться?

— Насколько мне известно.

Я положила палец на строчку об отказе.

— Я хочу увидеть пленника до подписания.

Хольт помолчал.

— Вы уверены, что это разумно?

— Нет. Именно поэтому хочу увидеть.

Он неожиданно улыбнулся.

Не тепло. Скорее удовлетворенно.

— Вы почти не изменились.

— Изменилась достаточно, чтобы не подписывать то, чего не понимаю.

Хольт поднялся.

— В таком случае мы отправляемся в Серый Предел.

До крепости ехали четыре с половиной часа.

Осень уже ободрала деревья вдоль дороги, оставив на вет-

вах редкие ржавые листья. Между холмами лежал туман. Колеса кареты то и дело попадали в глубокие колеи, и коробка с дорожными документами подпрыгивала у меня на коленях.

Хольт ехал напротив.

Он попробовал заговорить со мной дважды. В первый раз — о погоде. Во второй — о том, что коронное управление готово пересмотреть мое прежнее увольнение, если я покажу себя достойно на новой должности.

Я спросила, предусматривает ли пересмотр возвращение жалованья за два потерянных года.

Разговор закончился.

Некоторое время мы молчали.

Я смотрела в окно и пыталась представить Лиану на этой дороге.

Она не любила путешествовать. У нее начиналась дурнота даже от короткой поездки по городской мостовой. В детстве я всегда отдавала ей место у окна, потому что там ей становилось легче.

Перед отъездом в Серый Предел она наверняка запаслась засахаренным имбирем. Купила лишнюю пару теплых чулок. Уговорила себя, что раз все вещи тщательно уложены, значит, решение правильное.

Сестра была старше меня на четыре года, но иногда именно мне приходилось объяснять ей, что опасные люди не становятся безопасными от вежливого обращения.

Она обычно отвечала:

«А невежливого они тем более не любят».

Я сжала пальцы на краю папки.

Последние дни меня особенно злила память.

Она подсовывала какую-нибудь совершенно незначительную подробность в самое неподходящее время.

Запах лимонной цедры.

Оторванную пуговицу на Лианином пальто.

То, как сестра стучала ногтем по кружке, подзывая меня к столу.

А потом я вспоминала, что больше никогда не услышу этот звук.

Приходилось искать стену или стол, на который можно было опереться.

В карете я лишь крепче прижала папку к коленям.

— Вас укачивает? — спросил Хольт.

— Нет.

Он достал серебряную флягу.

— Немного воды?

— Спасибо, не нужно.

Я отвернулась к окну.

Когда мне было девятнадцать, война с драконами уже закончилась. Я помнила победные колокола, праздничные знамена и длинные обозы с ранеными, которые въезжали в город еще несколько месяцев после подписания мира.

Тогда всем говорили, что опасность миновала.

Потом на городских площадях появились объявления о

задержанных драконьих военачальниках. Их имена печатали крупными буквами. Людям обещали, что никто из виновных не уйдет от наказания.

Имя Каэра Рейнда я видела на одном из таких объявлений.

Под ним находился список сожженных поселений и разрушенных укреплений.

Позднее ходили слухи, что он мог превратиться в дракона даже в цепях, что его кровь прожигала камень, что он убивал охранников одним взглядом.

Последнему я не верила.

Для убийства взглядом требовался определенный тип магического воздействия, и ни одно достоверное исследование не подтверждало, что драконы обладали подобной способностью.

Но недостоверные слухи не делали самого Каэра безопасным.

— Почему его не казнили? — спросила я.

Хольт оторвался от бумаг.

— Простите?

— Каэра Рейнда. Если он совершил все преступления, которые ему приписывают, почему его держат девять лет?

— Его магическая природа представляет значительную научную ценность.

— Значит, его используют.

— Изучают.

— Девять лет?

— Исследование подобных существ требует осторожности.

Я посмотрела на его кольцо.

— А пять умерших женщин тоже относились к исследованиям?

— Нора.

В одном слове прозвучало предупреждение.

Я вспомнила, как он произносил мое имя при коллегах, когда считал нужным напомнить, кто в лаборатории принимает окончательные решения.

Раньше после такого я замолкала.

Теперь мне нечего было терять, кроме ответа.

— Вы ведь понимаете, что я все равно буду спрашивать? Хольт убрал бумаги в папку.

— Понимаю. Именно поэтому надеюсь, что мы сумеем наладить сотрудничество.

За последним холмом дорога резко пошла вверх.

Среди тумана проступили башни.

Серый Предел.

Крепость была построена из темного камня, испещренного белыми прожилками. Верхушки башен почти сливались с низкими облаками. За стеной угадывалось глубокое ущелье, по которому ветер гнал мокрую листву.

Никаких драконьих статуй, устрашающих черепов или острых шпилей.

Просто добротное военное сооружение, которое слишком долго содержали в порядке.

На воротах висел коронный герб.

Под ним оставалась темная полоса от снятой когда-то таблички. Новую не установили.

Карета остановилась.

Двое солдат проверили пропуск Хольта. Один внимательно посмотрел на меня, но ничего не сказал.

Когда ворота открылись, я заметила, что створки двигались почти бесшумно. Петли недавно смазывали. Камни во дворе были выметены. Водостоки очищены.

За девять лет здесь не допустили даже серьезного запустения.

Значит, на содержание крепости тратили немалые деньги.

Я мысленно прибавила этот факт к остальным.

Во внутреннем дворе нас встретил мужчина в темно-синем мундире с капитанскими знаками различия.

Ему было лет сорок с небольшим. Короткие волосы на висках уже поседели, а на левой брови белел старый шрам.

— Капитан Гарт Бренн, — представился он. — Командующий гарнизоном Серого Предела.

— Нора Велант.

Он посмотрел на мое лицо чуть дольше, чем требовала вежливость.

— Примите соболезнования.

— Вы знали Лиану?

— Она прожила здесь почти месяц.

— Я спросила, знали ли вы ее.

Капитан не отвел взгляд.

— Да, госпожа Велант.

Это оказалось больше, чем я получила от Хольта за десять дней переписки.

— Тогда нам будет о чем поговорить.

Он слегка кивнул.

Хольт передал ему распоряжение.

Пока они обменивались короткими фразами, я осматривала двор.

Слева от ворот тянулось длинное строение с узкими окнами. Судя по толстым дверям и охране, там находилось архивное крыло. Выше проходила закрытая внутренняя галерея, соединявшая его с жилой башней.

Справа виднелась старая часовня без колокола. За ней уходили вниз ступени, перекрытые железной решеткой.

Жилая башня стояла напротив ворот. Несколько окон на втором этаже были занавешены светлой тканью.

В одном горел огонь.

Я поймала себя на том, что ищу там Лиану.

Она могла бы стоять у окна, привычно придерживая одной рукой шаль. Могла бы заметить карету и помахать мне, прежде чем спуститься.

Но у окна никто не появился.

— Госпожа Велант?

Я повернулась.

Капитан ждал у входа в башню.

— Ваши комнаты подготовлены.

— Я еще ничего не подписала.

— Приказано подготовить их независимо от решения.

— Очень предусмотрительно.

Он не ответил.

Хольт направился к дверям.

— Сначала вы встретитесь с пленником. После этого мы сможем завершить оформление.

Я последовала за ним.

Внутри крепость выглядела неожиданно обжитой.

По стенам висели старые ковры. На каменных подоконниках стояли горшки с высохшей лавандой. Где-то негромко переговаривались служанки. Из кухни тянуло печеным луком и свежим хлебом.

От этого становилось хуже.

Я ожидала тюрьму.

А здесь кто-то продолжал готовить обед, подметать лестницы и менять свечи, пока одна за другой умирали женщины.

Мы прошли по галерее.

На дальней стене висели пять небольших портретов.

Четыре женщины были мне незнакомы.

Пятую я узнала сразу.

Лиана.

Художник изобразил ее в темно-зеленом платье. Волосы были уложены слишком тщательно, зато улыбку он передал верно — уголок рта чуть приподнят, словно она собиралась сообщить что-то забавное.

Портрет выглядел новым.

Я остановилась.

— Когда его повесили?

Хольт обернулся.

— Несколько дней назад.

— После смерти?

— В соответствии с традицией крепости.

Я подошла ближе.

Под портретами висели одинаковые металлические таблички. На каждой — имя, год назначения и дата окончания службы.

Не дата смерти.

Окончания службы.

На Лианиной табличке еще не успела потускнеть гравировка.

Я провела пальцами по холодному металлу.

— Сколько времени прошло между ее назначением и смертью?

— Это есть в документах, которые вы сможете изучить.

— Вы могли бы просто ответить.

— Предпочитаю точные сведения предположениям.

Голос его оставался ровным.

Я убрала руку.

Под остальными портретами даты стояли в определенном порядке. Между ними были промежутки в несколько недель или месяцев, но разобраться на ходу не получилось.

Холт уже шел дальше.

Я запомнила расположение табличек.

Позднее вернусь и перепишу каждую.

В конце галереи нас ждала женщина лет пятидесяти с небольшим.

Она была невысокой, крепкой, с уставшим лицом и собранными на затылке светлыми волосами. На ней было простое коричневое платье под серым рабочим передником.

— Марта Сен, — представил ее капитан. — Лекарка крепости.

Женщина посмотрела на меня.

В ее глазах мелькнуло что-то болезненное, но она быстро справилась с собой.

— Вы похожи на сестру, — сказала она.

Я слышала эти слова уже несколько раз после смерти Лины.

Обычно отвечала благодарностью, потому что людям требовалось сказать хоть что-нибудь.

Теперь сил на вежливость не осталось.

— Вы ее лечили?

— Да.

— И были рядом, когда она умерла?

Марта посмотрела на Хольта.

Этого короткого движения оказалось достаточно, чтобы я заинтересовалась ею гораздо сильнее.

— Мы поговорим об этом позже, — сказал смотритель.

— Я спрашивала не вас.

— Сейчас госпоже Сен необходимо подготовить пленника к осмотру.

Марта сжала руки перед собой.

— Он готов.

— Прекрасно.

Хольт хотел пройти мимо, но лекарка неожиданно обратилась ко мне:

— Вы сегодня ели?

Я растерялась.

— Что?

— Завтракали?

— Да.

Неправда.

Утром я выпила немного воды, а потом долго пыталась заставить себя проглотить кусок хлеба.

Марта бросила взгляд на мои руки.

— После встречи попросите принести что-нибудь горячее.

— Меня интересует не обед.

— Я поняла.

Она не стала настаивать.

Просто открыла дверь в конце коридора.

За ней начиналась каменная лестница.

Мы спустились на один этаж.

Воздух здесь был холоднее. Вместо ковров на стенах тянулись толстые медные жилы, уходившие под штукатурку. В нескольких местах их прикрывали стеклянные щитки.

Я узнала архитектуру удерживающих печатей.

Такие системы строили вокруг опасных объектов, когда обычные замки и стены считались недостаточными.

Но здесь медных линий было слишком много.

И они шли не только к помещению пленника.

Часть уходила вверх, в жилую башню.

— Для чего предназначена верхняя ветвь? — спросила я.

— Служебная стабилизация, — ответил Холт.

— Тогда почему она заведена в жилую часть?

— Чтобы исключить сбои при изменении состояния ключа.

Я задержалась перед одной из пластин.

По краю шла тонкая борозда. Не старая. Металл недавно вскрывали, а потом снова закрепляли.

— Здесь проводили работы?

— Плановое обслуживание.

— Кто их утверждал?

Хольт остановился.

— Нора, мы спустились сюда по вашей просьбе. Если вы намерены проверять каждую медную пластину, нам понадобится значительно больше времени.

Я отступила от стены.

— Меня вполне устроит возможность сделать это позже. Впервые за день он не нашелся с немедленным ответом. Потом кивнул.

Мы прошли еще несколько шагов.

Дальше стояла тяжелая дверь с узким стеклянным окошком.

Перед ней дежурили двое солдат.

Один отпер внешний замок, второй коснулся пальцами закрепленной над дверью серебряной пластинки.

Пластинка тихо щелкнула.

Только после этого дверь открылась.

— Сохраняйте дистанцию, — предупредил капитан. — Он не имеет возможности напасть на назначенную хозяйку, но вы пока не приняли ключ.

— А на остальных?

Гарт посмотрел на Хольта.

— Остальным не рекомендуется приближаться без необходимости.

Хорошо.

Значит, Каэр Рейнд действительно был опасен.

Я предпочитала знать об этом заранее.

Помещение оказалось просторным и неожиданно светлым.

Три высоких окна выходили на ущелье. Их пересекали толстые железные прутья, между которыми были вплетены серебряные нити.

У стены стояла узкая кровать с темным покрывалом. Рядом — стол, два стула, шкаф и небольшой умывальник.

На столе лежала раскрытая книга.

Я машинально прочитала название на корешке.

«Северные морские пути».

Странное чтение для человека, которого девять лет не выпускали из крепости.

Каэр стоял у окна.

Сначала я заметила его руки.

Крупные, со следами старых ожогов на запястьях. Вокруг каждого запястья находился тяжелый металлический обруч. От обручей тянулись тонкие цепи, уходившие к кольцам в полу.

Цепи не выглядели особенно прочными.

Я почти сразу поняла, что их прочность была не главной причиной, по которой он не мог освободиться.

Из-под темной рубашки на шее поднимались узкие серебристые линии. Они огибали кожу, исчезали под воротом и

снова появлялись на предплечьях.

Удерживающая печать.

Действующая.

Он повернулся, когда дверь закрылась.

И я наконец посмотрела ему в лицо.

Каэр Рейнд оказался не таким, каким его рисовали на военных листовках.

Там изображали страшное существо с оскаленными зубами, слишком широким ртом и глазами, в которых не оставалось ничего человеческого.

Передо мной стоял мужчина.

Очень высокий. Широкий в плечах, хотя одежда висела на нем свободнее, чем должна была. Темные волосы доходили почти до воротника. На подбородке виднелась короткая щетина. От виска к скуле тянулся бледный шрам.

Лицо у него было красивым, но совершенно не располагало к знакомству.

Особенно глаза.

Я никогда прежде не видела такого цвета. Темно-янтарные, с узким зрачком, который медленно изменился, когда Каэр повернулся к свету.

Он смотрел на меня несколько секунд.

Потом перевел взгляд на Хольта.

— Нет.

Смотритель остановился.

— Господин Рейнд, вам еще ничего не предложили.

— Я и не собираюсь слушать.

Голос у дракона оказался низким, спокойным. Без рычания, которым пугали детей в городских представлениях.

Хольт поправил манжету.

— Вы знакомы с госпожой Велант?

— Я вижу ее впервые.

— В таком случае позвольте представить.

— Не нужно.

Каэр снова посмотрел на меня.

Теперь внимательнее.

Его взгляд задержался на моих волосах, лице, руках. Не так, как мужчины иногда разглядывали незнакомую женщину. Скорее он искал подтверждение чему-то, в чем не хотел убеждаться.

— Ты ее сестра, — сказал он.

Я едва заметно кивнула.

— Нора Велант.

Он посмотрел на мои пустые запястья.

— Ты еще не подписала?

— Нет.

— Тогда уходи.

Хольт негромко вздохнул.

— Полагаю, этого следовало ожидать.

Я не отвела взгляд от Каэра.

— Почему?

— Потому что дверь пока открыта.

— Она открыта и для вас, когда приходят с едой?

Каэр никак не отреагировал на попытку уколоть его.

— Ты пришла получить ключ.

— Я пришла узнать, как умерла моя сестра.

При этих словах его лицо изменилось.

Не сильно.

Просто исчезла прежняя холодная отстраненность. На одно мгновение он посмотрел на меня так, словно я произнесла имя человека, которого он тщетно старался забыть.

Потом снова закрылся.

— Ответов здесь не продают, Нора Велант.

— А чем здесь торгуют?

Он опустил глаза на цепи.

Я почувствовала себя неловко.

Это меня рассердило.

В конце концов, я пришла не любоваться пленником и не объяснять ему свое положение. Моя сестра была мертва. А этот мужчина присутствовал при ее последних днях.

Возможно, именно он стал причиной того, что я больше никогда ее не увижу.

— Мне сказали, что предыдущие хозяйки умерли от вашего пламени.

Каэр посмотрел на Хольта.

— Сказали?

— Существуют заключения коронного управления, — ответил смотритель.

— Я спрашиваю вас, — сказала я дракону.

— Тогда задавай свой вопрос мне, а не повторяй чужие слова.

Я сцепила пальцы.

Он намеренно выводил меня из равновесия.

И, к моему раздражению, делал это довольно успешно.

— Вы убили тех женщин?

Хольт шагнул вперед.

— Нора, я не рекомендую начинать знакомство с подобного допроса.

— Почему? Вдруг я передумаю подписывать?

— Я беспокоюсь о вашем состоянии.

Каэр коротко усмехнулся.

Звук получился совсем не веселым.

— Как трогательно.

Хольт повернул к нему голову.

— Будьте любезны соблюдать приличия.

— Конечно. Простите, что нарушил приятную семейную беседу.

Я хотела повторить вопрос.

Но Каэр снова заговорил:

— Пять женщин вошли сюда с ключом. Ты видела их портреты?

— Да.

— Тогда тебе известно, чем заканчивается пребывание в этой крепости.

— Не всем здесь девять лет приходится оставаться живыми.

Я произнесла это прежде, чем успела остановиться.

Каэр медленно выпрямился.

При свете окна стало видно, насколько он выше меня. Даже без цепей, без драконьей магии и без всех легенд, которыми окружили его имя, он оставался человеком, с которым я не хотела бы встретиться в темном переулке.

— Девять лет, — повторил он. — Ты знаешь хотя бы, почему я здесь?

— Знаю официальную версию.

— Разумеется.

Он отошел от окна.

Цепи мягко звякнули.

Я невольно проследила за их движением.

Судя по длине цепей, Каэр мог пройти почти до середины комнаты, но не дальше. В полу виднелись несколько дополнительных креплений, расположенных так, чтобы ограничивать расстояние при необходимости.

Он остановился раньше предела.

— Сколько тебе обещали? — спросил он.

— За что?

— За право называться моей хозяйкой.

— Деньги меня не интересуют.

— Тогда ты опаснее предыдущих.

Мне захотелось ответить что-нибудь резкое.

Но за словами слышалась не только враждебность.

Он действительно хотел, чтобы я ушла.

Я не понимала почему.

Если ему нужно было избавиться от еще одной хозяйки, достаточно дождаться, пока я приму контракт и стану шестой погибшей.

Зачем предупреждать заранее?

— Моя сестра умерла здесь десять дней назад, — сказала я. — Мне не выдали ее медицинские записи. Не разрешили увидеть тело. В заключении отсутствует подпись лекаря. Единственный способ попасть в архив — принять эту должность.

Каэр слушал молча.

— Если у вас есть другой способ помочь, я готова его услышать.

Он на мгновение опустил голову.

Цепь на правой руке чуть натянулась.

— Я пытался помочь твоей сестре.

В комнате стало тихо.

— Как?

Каэр посмотрел на дверь.

— Не подписывай договор.

— Это не ответ.

— Другого сейчас не будет.

Он отвернулся.

Хольт немедленно воспользовался паузой.

— Полагаю, мы закончили.

— Нет, — сказала я.

— Госпожа Велант...

— Мне нужен разговор без посторонних.

Смотритель посмотрел на меня так, словно я предложила оставить открытой клетку с бешеным зверем.

— Это исключено.

— Вы только что сказали, что он не может напасть на назначенную хозяйку.

— Вы пока не назначены.

— Но он в цепях.

— Его физическая сила значительно превосходит человеческую.

Каэр, не поворачиваясь, произнес:

— Можете не беспокоиться. Я не стану мешать вашей новой хозяйке принимать разумные решения.

Последние слова он произнес с такой сухой вежливостью, что я почувствовала себя глупо.

Наверное, он этого и добивался.

Хольт направился к двери.

— Нора, вы получили возможность увидеть пленника. Теперь предлагаю вернуться к документам.

Я осталась на месте еще на несколько секунд.

Каэр стоял у окна.

В оконном стекле отражались его лицо и серебряные линии на шее.

— Вы знали Лиану? — спросила я.

Он не повернулся.

— Да.

— Хорошо знали?

После долгой паузы он ответил:

— Лучше, чем она хотела бы.

Я не поняла.

И не успела спросить.

Хольт открыл дверь.

Договор лежал в небольшой комнате рядом с лестницей.

На столе горели три магические лампы. Между ними находилась металлическая пластина с изображением официальной схемы привязки.

Двое служащих ждали у стены. Один держал бархатную коробочку.

Хольт выглядел довольным.

— Теперь вы можете принять решение.

Я попросила еще раз оставить нас без лишних свидетелей, пока проверю бумаги.

Он согласился.

Капитан Бренн остался снаружи.

Служащие вышли вслед за ним.

Только после этого я позволила себе сесть.

Всю дорогу из комнаты пленника меня не отпускало странное ощущение.

Я ожидала ненависти.

Ожидала угроз.

Могла представить, что Каэр станет отрицать свою вину, проклинать корону или попытается убедить меня освободить его.

Но он почти ничего не просил для себя.

Только повторял, чтобы я не подписывала договор.

Это ничего не доказывало.

Однако делало его менее похожим на бездумное чудовище, каким его изображали в официальных записях.

— Почему мне отказывают в осмотре тела? — снова спросила я.

Хольт устало поправил воротник.

— Потому что расследование еще открыто.

— А назначенная хранительница получит доступ?

— Вы сможете подать соответствующее требование в пределах крепости. Я дам необходимые распоряжения.

— Записи лекарки?

— В части, касающейся безопасности содержания пленника.

— Документы предыдущих хозяек?

— Допустимые к ознакомлению.

— Очень расплывчато.

— Вы умеете работать с закрытыми архивами.

— Умела. Пока меня не уволили.

Хольт посмотрел на меня поверх очков.

— Я надеялся, что наше прошлое осталось позади.

— Мое увольнение осталось. И последствия тоже.

Он ничего не ответил.

Я взяла схему.

Наружная часть удерживающей конструкции была знакомой. Металлический ключ соединял живого носителя с центральным якорем печати. Такие механизмы применяли не только в тюрьмах.

В городских лечебницах использовали упрощенные варианты для стабилизации опасных магических приступов.

Именно над похожей системой я когда-то работала.

Система должна была распределять нагрузку так, чтобы она не проходила через тело оператора напрямую.

Я провела пальцем вдоль тонкой черной линии.

На металлической пластине стрелка сопряжения уходила к вспомогательной ветви, хотя в сопроводительном тексте было указано подключение к основному узлу.

Небольшая ошибка.

Но если соединить ключ по изображенной схеме, при первом же серьезном напряжении энергия могла ударить через запястье носительницы.

— Кто составлял этот чертеж?

Хольт взглянул на пластину.

— Наши специалисты.

— Они не согласовали рисунок с пояснением.

Я повернула документ к нему.

Он наклонился.

— Покажите.

— Здесь. Смотрите: в формуле указан основной контакт, а стрелка заведена на вспомогательную линию.

Хольт изучил место.

— Похоже на ошибку переписчика.

— Для такого документа странная небрежность.

— Вы же знаете, Нора, что большие ведомства не всегда работают идеально.

Я знала.

Именно поэтому предпочитала проверять даже красиво оформленные бумаги.

— Исправление должен заверить действующий специалист.

— Вы и являетесь специалистом.

— Бывшим.

— Ваша квалификация от этого не исчезла.

Служебная любезность прозвучала почти издевательски.

Я достала из сумки собственное перо.

Серебряный наконечник был немного потертым. Я пользовалась им много лет, сначала в управлении, потом в маленькой мастерской, где зарабатывала на ремонте частных печатей.

— Исправление не должно менять существенные условия

договора, — сказала я.

— Разумеется.

— Тогда внесите в протокол, что я устраняю несоответствие между текстом и изображением.

Хольт подал дополнительный лист.

Я записала поправку.

После этого аккуратно перенесла правильное направление линии на схему.

Пластина слабо нагрелась под пальцами.

Обычная реакция принимающего контура на корректировку адреса.

Я дождалась, пока свечение погаснет.

Хольт смотрел на работу очень внимательно.

Даже слишком внимательно для человека, которому только что указали на канцелярскую ошибку.

— Теперь все в порядке? — спросил он.

— В открытой части схемы — да.

— Прекрасно.

Он поставил заверяющую подпись.

Я снова посмотрела на пункт об отказе от полномочий.

Три дня.

В любой момент после подачи уведомления.

Пока я ничего не подписала, у меня оставалась возможность уйти.

Я представила, как возвращаюсь домой.

Моя мастерская на втором этаже старого дома. Узкая

лестница, которая скрипела на третьей ступеньке. Заварочный чайник с отколотой ручкой.

Я могла бы открывать утром ставни, принимать заказчиков, чинить испорченные дверные печати и делать вид, будто жизнь постепенно вернулась к привычному порядку.

Иногда кто-нибудь спрашивал бы о Лиане.

Я отвечала бы, что произошло несчастье.

И вспоминала пустое место под медицинским заключением.

Человека, который осматривал ее тело.

Пять портретов на стене.

Слова Каэра: «Я пытался помочь твоей сестре».

Я положила ладонь на договор.

— Если я откажусь, что будет с ее вещами?

— Их направят ближайшим родственникам.

— С телом?

— После завершения проверки оно будет передано для погребения.

— Когда?

— Я не могу назвать точную дату.

— А документы?

— Останутся в закрытом архиве.

Я сняла перчатку.

Под ней пальцы были холодными.

Может быть, я действительно делала ужасную ошибку.

Но другого пути к ответам у меня не было.

— Давайте ключ.

Хольт не улыбнулся.

Он просто выпрямился и открыл дверь.

Служащие вошли почти сразу, словно ждали с рукой на ручке.

Один поставил коробочку передо мной.

Внутри лежал тонкий браслет из темного металла.

Я ожидала чего-то тяжелого.

Ключ выглядел почти изящно: две переплетенные полосы с маленьким овальным участком на внутренней стороне. По краям проходили серебряные насечки.

Никаких замков.

Никаких видимых креплений.

— Наденьте его на левое запястье, — сказал Хольт.

Я подняла браслет.

Металл оказался неожиданно теплым.

— Как он закрепляется?

— После принятия договора подстроится под носительницу.

— И как снимается?

— При прекращении связи установленным порядком.

Снова не совсем тот ответ, который мне хотелось получить.

Я посмотрела на него.

— Я могу потребовать процедуру отключения после подачи уведомления?

— В установленном порядке, Нора. Все предусмотрено.
Я положила браслет на запястье.

Он слегка сжался.

Не больно.

Пока.

Служащий развернул передо мной договор.

— Назовите полное имя.

— Нора Велант.

— Подтвердите добровольное принятие полномочий хранительницы коронного пленника Каэра Рейнда.

Я помолчала.

Добровольное.

Это слово внезапно показалось мне особенно неприятным.

Я не стояла перед человеком с мечом. Меня не принуждали магией. Хольт не угрожал смертью, если я откажусь.

Он просто запер все ответы на той стороне двери, которую позволял открыть только собственным ключом.

И называл это выбором.

— Подтверждаю, — сказала я.

Браслет сомкнулся.

Между его концами не осталось ни малейшей щели.

Под кожей вспыхнуло короткое тепло.

Я вздрогнула.

На мгновение мне показалось, что кто-то крепко ухватил меня за руку изнутри.

Потом ощущение прошло.

Хольт проверил маленькую серебряную пластину на столе.

На ней проявился тонкий рисунок.

— Соединение принято. Поздравляю, госпожа Велант.

Я посмотрела на браслет.

На внутренней стороне появилась крошечная светлая черта.

— Это обязательно?

— Что именно?

— Называть меня госпожой.

Он слегка улыбнулся.

— В крепости принято обращаться к хозяйке с уважением.

— Уважение не всегда требует титула.

— Разумеется.

Мне показалось, что за стеной что-то глухо ударило.

Не громко.

Будто в глубине камня сдвинули тяжелый металлический механизм.

Я подняла голову.

Хольт даже не обернулся.

— Что это?

— Отклик удерживающей системы. Ключ зарегистрирован.

Он закрыл коробочку.

— Осталось подтвердить управление.

Я насторожилась.

— Какое еще подтверждение?

— Проверить, что связь с пленником установлена правильно.

— Браслет уже показал соединение.

— Управление и удержание проверяются отдельно.

Я медленно выдохнула.

— Почему об этом не сказано в договоре?

Хольт перевернул страницу и указал на небольшую строку среди служебных приложений.

Я прочитала.

Формулировка была достаточно широкой, чтобы под нее подошла почти любая проверка, и достаточно короткой, чтобы ее легко пропустить.

Меня охватило знакомое раздражение.

Раньше я любила работать с договорами, потому что в хорошей схеме любое действие имело ясные границы.

В плохой договорной магии всегда находилось место для человека, который хотел получить больше, чем ему пообещали.

— Что потребуется? — спросила я.

— Ничего сложного.

Хольт открыл дверь.

— Вернемся к пленнику.

На этот раз Каэр стоял посреди комнаты.

Он не смотрел на нас, когда мы вошли.

Его внимание было приковано к моему левому запястью.

Я увидела, как он медленно сжал правую руку.

Цепь тихо натянулась.

— Подписала, — сказал он.

Это не было вопросом.

— Да.

Каэр закрыл глаза.

Всего на мгновение.

Потом повернулся к окну.

— Уходите.

Хольт вошел следом за мной.

За его спиной остановились капитан и двое солдат.

— Господин Рейнд, нам необходимо завершить процедуру.

Каэр не ответил.

— Вы ведь понимаете, что сопротивление совершенно бессмысленно?

— Понимаю.

— Тогда обернитесь.

Дракон остался неподвижным.

Хольт снова посмотрел на меня.

— Ключ позволяет отдавать прямые распоряжения. Достаточно коснуться внутренней пластины и сознательно направить волю на пленника.

Я опустила глаза на браслет.

Овальный участок находился под запястьем.

— Любые слова?

— Разумеется, в пределах возможностей пленника и ограничений самой печати.

— Что именно значит «направить волю»?

— Вы должны намеренно пожелать исполнения приказа. Обычный разговор не запускает управление.

Я провела большим пальцем по прохладному металлу.

— И что вы предлагаете приказать?

— Пусть подойдет к нам.

— Он прикован.

— Длина цепей позволяет.

Я посмотрела на Каэра.

— Господин Рейнд, вы можете подойти?

Он обернулся.

Медленно, с таким выражением лица, будто я попросила его добровольно сунуть руку в огонь.

— Ты спрашиваешь или приказываешь?

— Спрашиваю.

— Тогда нет.

Я перевела взгляд на Хольта.

— Ответ получен. Проверку можно закончить.

— Боюсь, одного разговора недостаточно.

Смотритель прошел вперед.

Остановился у металлического кольца, вделанного в пол.

Я заметила, что капитан Бренн напрягся.

— Вы слишком близко, — сказал он.

— Не беспокойтесь, капитан.

Хольт наклонился к ближайшей удерживающей линии.

— Видите, Нора? Когда пленник выполняет распоряжения добровольно, определить исправность принуждающей ветви невозможно.

Каэр повернул голову.

— Не трогай.

Хольт не отреагировал.

Он достал из кармана тонкий металлический стержень.

Серебряный наконечник вспыхнул.

Я почувствовала, как воздух в комнате сделался суше.

Хольт коснулся стержнем линии на полу.

По цепям Каэра пробежал короткий свет.

Дракон вздрогнул.

Не закричал.

Но я увидела, как резко напряглись мышцы под рубашкой.

— Что вы делаете? — спросила я.

— Демонстрирую защитную реакцию.

— Прекратите.

Хольт поднял стержень.

— Сейчас вы увидите, насколько необходим контроль.

Каэр двинулся.

Позднее я много раз вспоминала этот момент.

Не его скорость — ее я почти не успела заметить.

А выражение лица.

За мгновение до движения в янтарных глазах появилось что-то совершенно ясное.

Решение.

Он шагнул к Хольту.

Цепь на правой руке натянулась, но не остановила его сразу. Мужчина успел ухватиться за одно из креплений и резко потянуть его на себя.

Капитан выкрикнул предупреждение.

Один солдат схватился за меч.

Хольт отступил.

Я увидела металлический стержень в его руке, свободную руку Каэра и то, как близко они оказались.

Каэр мог ударить.

Я не знала, собирался ли он убить Хольта, вырвать у него стержень или просто заставить отойти.

На размышления не осталось времени.

Я коснулась внутренней пластины браслета.

И намеренно пожелала, чтобы дракон остановился.

— Стой!

Я вздрогнула от вспышки.

По серебряным линиям на шее Каэра пробежал белый свет. Он резко остановился, хотя все тело еще продолжало

стремиться вперед.

Следующее движение вышло страшным.

Его плечи рванулись назад, ноги подогнулись, а голова дернулась так, будто невидимая рука ударила его по затылку.

Он опустился на одно колено.

Металл громко звякнул.

Каэр уперся свободной ладонью в пол.

На секунду я подумала, что он сейчас упадет лицом на камни.

Но он удержался.

Стиснул зубы.

Медленно поднял голову.

И посмотрел прямо на меня.

Никогда прежде я не видела такой ненависти.

Не к моей семье.

Не к короне.

Ко мне.

Я отдернула руку от браслета.

— Я...

Слова застряли.

Хольт убрал стержень в футляр.

— Прекрасно. Приказная ветвь исправна.

Я повернулась к нему.

— Вы сделали это нарочно?

— Что именно?

— Спровоцировали его.

— Я проверял систему.

— Вы причинили ему боль.

— Незначительное воздействие. Пленник прекрасно знаком с подобными процедурами.

Каэр поднялся.

Не сразу.

Сначала выпрямил спину, потом поставил ногу, потянулся рукой к столу и только после этого встал.

Ни разу не попросил помощи.

Я смотрела на него и чувствовала, как браслет тяжелеет на запястье.

Пока мы спускались сюда, мне казалось, что ключ — всего лишь устройство, часть юридического договора.

Теперь я знала, что он делал с живым телом.

— Снимите с него воздействие, — сказала я.

Хольт взглянул на свой измерительный прибор.

— Оно уже прекратилось. Приказ выполнен.

— Я больше не намерена проводить подобные проверки.

— В этом нет необходимости. Соединение подтверждено.

Он говорил спокойно.

Я же едва удерживалась от желания схватить стержень и сломать его.

Хольт убрал прибор в карман.

— Теперь вы полностью вступили в обязанности, госпожа Велант.

Каэр посмотрел на него.

Потом на меня.

— Поздравляю, хозяйка.

Последнее слово он произнес без всякого выражения.

И от этого мне стало гораздо хуже, чем если бы он закричал.

Мне выделили комнаты на втором этаже жилой башни.

Три помещения.

Гостиная с камином, спальня и небольшая рабочая комната, в которой стоял письменный стол с резными ножками.

Все было чистым.

Слишком чистым.

На полках не осталось ни одной чужой вещи. В комодах аккуратно лежало свежее белье. На столе стояла ваза с поздними садовыми цветами.

Я подошла к окну.

Отсюда открывался вид на внутренний двор и часть галереи, ведущей к архиву.

Подальше виднелась крыша часовни.

— Здесь жила Лиана? — спросила я.

Капитан Бренн остановился у двери.

— Да.

— Вы убрали ее вещи.

— По распоряжению смотрителя.

— Куда?

— В запечатанное хранилище.

Я обернулась.

— Все?

— Насколько мне известно.

— Кто проводил опись?

— Канцелярский служащий под наблюдением господина Хольта.

— Полагаю, вы скажете, что доступ к описи мне тоже положен только после дополнительного разрешения.

Гарт помолчал.

— Я уточню порядок ее выдачи.

— Не нужно уточнять. Принесите мне правило, которое запрещает действующей хранительнице читать документы предыдущей.

Он посмотрел на меня с новым выражением.

Не уважительным.

Скорее настороженным.

— Госпожа Велант...

— Нора.

— Прошу прощения?

— Меня зовут Нора. Если вы собираетесь обращаться ко мне несколько десятков раз за день, лучше использовать имя.

— В гарнизоне принят определенный порядок.

— Я не служу в вашем гарнизоне.

— Но вы назначены хозяйкой коронного пленника.

Я посмотрела на браслет.

— Да. Мне уже успели об этом напомнить.

Капитан стоял неподвижно.

Я вздохнула.

— Ладно. Давайте начнем с простого. Я хочу увидеть тело сестры. Хочу получить список всех медицинских осмотров за последний месяц и копию первоначального приказа о содержании Каэра Рейнда.

— Первые два вопроса я передам лекарке. Третий находится в ведении смотрителя.

— Где он сейчас?

— В административном корпусе.

— Прекрасно. Пусть передаст документы.

Гарт не двинулся.

— У вас есть еще что-то?

— Я должен предупредить о правилах передвижения.

Я молча ждала.

— За пределы внутреннего двора без сопровождения выходить запрещено. Архивное крыло открывается по отдельному разрешению. Внешние ворота находятся под военной охраной.

— Я правильно понимаю, что мне разрешено сложить полномочия, но даже выйти из крепости я не могу без сопровождения?

— Пока вы носите ключ, действуют особые меры безопас-

ности.

— Очень интересная система.

— Госпожа Велант...

— Нора, капитан.

Он сжал челюсти.

— Прошу вас не проверять ее ограничения самостоятельно-
но.

Это прозвучало странно.

— Какие именно?

Бренн бросил взгляд на левую руку.

— Те, о которых не имею полномочий говорить.

Я подошла на шаг ближе.

— Вы знаете, как умерла Лиана?

Его лицо ничего не выразило.

— Я видел заключение.

— Я тоже. В нем нет подписи лекаря.

— Обратитесь к господину Хольту.

— Я уже обратилась. Он отправил меня сюда.

Капитан посмотрел на пустой письменный стол.

— Я передам ваши требования.

Он вышел.

Дверь мягко закрылась.

Я осталась одна.

Некоторое время просто стояла посреди комнаты.

На полке над очагом лежали щипцы. На кресле аккуратно расправили покрывало. У окна стояла скамья с вышитой

подушкой.

Мне вдруг показалось невероятным, что Лиана действительно жила здесь.

Ходила по этим половицам.

Садилась перед зеркалом.

Выбирала платье.

Возможно, точно так же спрашивала у капитана, почему ей нельзя пройти к воротам.

Я открыла комод.

В верхнем ящике лежали несколько запасных носовых платков. Новых, одинаковых, с маленькой коронной вышивкой.

Лиана терпеть не могла казенные платки.

Она говорила, что от них пахнет чужим шкафом.

Я закрыла ящик.

Подошла к столу.

Провела пальцем по поверхности.

Там не осталось ни одной царапины, ни одного следа чернил, ни крошки воска.

Будто предыдущая хозяйка никогда не существовала.

На меня вдруг нахлынула такая злость, что я едва не перевернула стул.

Я схватилась за спинку.

Постояла.

Медленно отпустила.

Нельзя было начинать расследование с того, что я раз-

громлю комнату и позволю Хольту объявить меня неспособной исполнять обязанности.

Я достала из сумки дорожный блокнот.

На первой странице написала дату.

Ниже — три слова.

«Лиана. Причина смерти».

После небольшой паузы добавила:

«Кто осматривал тело?»

Потом:

«Пять предыдущих хозяек».

«Условия отказа от ключа».

«Схема привязки. Верхняя ветвь».

Я посмотрела на записи.

Вопросов оказалось гораздо больше, чем ответов.

Но хотя бы теперь они были на бумаге.

Раздался стук.

Я быстро закрыла блокнот.

— Войдите.

На пороге стояла Марта Сен с подносом.

— Капитан сказал, что вы не обедали.

— У капитана слишком много свободного времени.

— Нет. Просто у вас очень заметно дрожат руки.

Я посмотрела вниз.

Марта была права.

Пальцы действительно подрагивали.

Я спрятала их за спину.

Лекарка сделала вид, что не заметила.

— Принесла суп и хлеб. И чай. Он не лечебный, можете не опасаться.

Я невольно улыбнулась.

Совсем немного.

Марта поставила поднос на стол.

— Ваша сестра всегда просила обычный чай. Говорила, что после моих отваров ей хочется поспорить с целым гарнизом.

Я подняла голову.

— Она так говорила?

— Почти каждый вечер.

Марта поправила салфетку.

— Мы не всегда ладили.

Мне захотелось попросить ее рассказать обо всем сразу.

О Лиане.

О последних днях.

О том, что она говорила, чего боялась, почему не писала мне правду.

Вместо этого я спросила:

— Вы осматривали ее тело после смерти?

Лекарка замерла.

Совсем ненадолго.

Но я уже привыкла замечать такие паузы.

— Да, — сказала она.

— Почему на заключении нет вашей подписи?

Марта посмотрела на дверь.

— Потому что мне не позволили его подписать.

В горле пересохло.

— Кто?

— Господин Хольт.

Я медленно села.

— Вы согласны с указанной причиной смерти?

Марта опустила глаза на свои руки.

— Я не утверждала, что ее убил дракон.

Снаружи прошли солдаты. Их шаги ненадолго заглушили потрескивание дров в камине.

Я подождала, пока шум стихнет.

— Вы можете показать мне медицинские записи?

— Они находятся у меня.

— Тогда прошу принести их.

Марта покачала головой.

— Не сейчас.

Я хотела возразить, но она подняла ладонь.

— Я не отказываю. Мне нужно сначала убедиться, что вы сможете прочесть их без помех.

— Вы боитесь Хольта?

Она помолчала.

— Я боюсь того, что случается с людьми, которые задают вопросы слишком открыто.

Честнее за сегодняшний день со мной еще никто не говорил.

Я опустила взгляд на чашку.

— А с Лианой?

Марта села напротив.

— Она тоже задавала вопросы.

Мне стало холодно.

— Какие?

— Не все я слышала. Но кое-что знаю.

— Расскажите.

Лекарка внимательно посмотрела на меня.

— Сначала поешьте.

— Марта...

— Если хотите разобраться в том, что произошло, вам понадобятся силы. И ясная голова. Сегодня у вас нет ни того, ни другого.

Она не говорила свысока.

Не пыталась заставить меня успокоиться.

Просто поставила передо мной тарелку.

Я взяла ложку.

Суп оказался горячим, густым, с мягким картофелем и зеленью.

На третьей ложке я обнаружила, что действительно очень голодна.

Марта молча ждала.

Когда я отодвинула тарелку, она сказала:

— Завтра утром я покажу вам тело сестры.

Я крепче сжала ложку.

— Сегодня нельзя?

— Сегодня у меня нет разрешения открыть погребальную комнату. Утром ключ будет у меня во время осмотра. Капитан уже согласовал ваше присутствие.

— Тело сохранилось?

— Да.

Я не стала спрашивать, каким образом.

Знала достаточно способов замедлить посмертные изменения с помощью холода и простых стабилизирующих печатей.

Мне хотелось сказать спасибо.

Но благодарить за возможность увидеть мертвую сестру оказалось неожиданно трудно.

Марта поднялась.

— И еще, Нора.

— Да?

Она задержалась у двери.

— Не оставайтесь с господином Хольтом наедине, когда он работает с вашим ключом.

Я посмотрела на браслет.

— Почему?

Марта поджала губы.

— Сегодня вы уже видели, как он проводит проверки.

Она вышла, прежде чем я успела задать следующий вопрос.

Я не стала ложиться.

После ужина долго сидела у стола и читала договор.

Сначала искала несоответствия в правах хранительницы.

Потом вернулась к рисунку ключа и перечню проверок.

Браслет никак не мешал двигать рукой.

Если не смотреть на него, можно было даже забыть, что он находится на запястье.

Но стоило прикоснуться к внутренней пластине, как под кожей появлялось слабое тепло.

Я дважды пыталась найти место соединения металла.

Не нашла.

Он действительно сомкнулся без шва.

Обычным инструментом такую вещь не снять. По крайней мере, без повреждений.

Я вспомнила, как Хольт произнес: «Ваши полномочия прекращаются».

Не «связь исчезает».

Не «ключ снимают».

Полномочия.

На следующей странице договора находилось описание процедуры отказа.

Я перечитала ее.

Потом еще раз.

Там нигде не говорилось, что снятие браслета происходит одновременно с регистрацией заявления.

Меня начало раздражать собственное решение подписать бумаги до получения полной схемы.

Но в тот момент открытая часть договора действительно не давала оснований ожидать смертельной ловушки. О скрытых условиях нельзя было узнать, пока ведомство удерживало документацию.

Я закрыла глаза.

Это не означало, что я поступила правильно.

Только то, что ошибка уже совершена и тратить остаток дня на самобичевание бессмысленно.

Я достала чистый лист.

Написала официальное требование о выдаче полной схемы ключа.

Сослалась на право хранительницы получать сведения, необходимые для безопасного содержания пленника.

Вторым письмом потребовала копии документов предыдущих назначений.

Третьим — медицинские заключения.

Поставила подпись и приготовила бумаги для утренней передачи капитану.

После этого посмотрела на время.

Было поздно, но не настолько, чтобы весь гарнизон успел разойтись по комнатам.

Я взяла лампу.

У двери дежурил молодой солдат.

Увидев меня, он вытянулся.

— Госпожа Велант.

— Мне нужно к пленнику.

Солдат растерялся.

— Сейчас?

— Сейчас.

— Я должен получить разрешение капитана.

— Тогда получите.

Он посмотрел на браслет.

Потом на меня.

— Одну минуту.

Солдат ушел.

Я осталась ждать у двери.

Несмотря на усталость, сон не шел.

Перед глазами снова вставал Каэр, опустившийся на колени от моего приказа.

Я понимала, что действовала в опасный момент. Хольт специально устроил проверку так, чтобы решение пришлось принимать быстро.

Но это не отменяло главного.

Я приказала.

Он подчинился.

Не потому, что согласился.

Потому что не мог иначе.

И мне предстояло смотреть ему в глаза, если я действи-

тельно собиралась выяснить правду.

Через несколько минут появился Гарт Бренн.

Он был без плаща, с мечом на поясе.

— Госпожа Велант, встречи с пленником в позднее время не предусмотрены.

— Где это написано?

— В правилах внутреннего распорядка.

— Дайте мне их прочитать.

Капитан устало посмотрел на меня.

— Вы собираетесь проверять каждую бумагу в крепости?

— Только те, которыми мне что-нибудь запрещают.

Он помолчал.

— Сейчас поздно.

— Я не прошу отправлять меня к воротам. Комната пленника находится этажом ниже.

— Это не обычный человек.

Я почувствовала, как во мне снова поднимается раздражение.

— Я знаю. Сегодня мне показали его необычность достаточно наглядно.

Гарт посмотрел на браслет.

— Приказное управление исправно.

— Я не собираюсь им пользоваться.

Капитан не ответил.

— Вы ведь тоже видели, что произошло? — спросила я.

— Видел.

— И считаете это нормальной проверкой?

Несколько секунд он молчал.

Потом сказал:

— Моя работа — обеспечить безопасность крепости.

— Хороший ответ на вопрос, которого я не задавала.

Гарт устало потер переносицу.

— Пойдемте. Я провожу вас.

Мы спустились по лестнице.

Внизу было тихо.

Ночные лампы светили тусклее дневных, и серебряные жилы в стенах казались темнее.

У двери Каэра дежурили те же солдаты.

Один посмотрел на капитана.

— Открыть, — приказал тот.

— Господин смотритель распорядился...

— Я знаю, что распорядился господин смотритель.

Солдат замолчал.

Замок щелкнул.

Гарт повернулся ко мне.

— Я останусь снаружи. Не подходите слишком близко.

— Спасибо.

Он удивился.

Наверное, не ожидал благодарности после нашего разговора.

Я вошла.

В комнате горела одна лампа.

Каэр сидел у стола.

Перед ним по-прежнему лежала книга о северных морских путях.

Он поднял глаза.

Посмотрел на мое лицо, потом на лампу в руке.

— Пришла проверить, хорошо ли я стою на коленях?

Я остановилась.

— Нет.

— Тогда зачем?

Я закрыла дверь.

Цепи тихо звякнули, когда он откинулся на спинку стула.

— Я хотела поговорить.

— Сегодня мы уже говорили.

— Тогда я не знала некоторых вещей.

— За несколько часов стала значительно мудрее?

— Немного.

Каэр посмотрел на меня с недоверием.

Я поставила лампу на свободный край стола.

Расстояние между нами оставалось достаточно большим.

Я помнила предупреждение капитана и не собиралась делать вид, будто внезапно перестала бояться дракона.

Страх никуда не делся.

Просто теперь он был не единственным чувством.

— Я не собираюсь отдавать вам приказы, — сказала я.

Каэр помолчал.

— Это обещание или временное настроение?

— Обещание.

— Их здесь уже давали.

Я почувствовала неприятный укол.

— Я не отвечаю за предыдущих хозяек.

— Пока не знаешь, за что именно собираешься отвечать.

Он был прав.

И это раздражало сильнее, чем его грубость.

Я придвинула ближайший стул, но не села.

— Холт спровоцировал вас сегодня.

Каэр посмотрел на меня.

— Да.

— Я поняла это слишком поздно.

— Поздно для кого?

Я сглотнула.

— Для вас.

Он отвел взгляд.

Провел рукой по странице книги.

На запястье виднелся свежий красный след.

Я старалась не смотреть на него слишком заметно.

— Мне жаль, — сказала я.

Каэр усмехнулся.

— Какая щедрость.

— Я говорю серьезно.

— Я тоже.

Молчание затянулось.

Снаружи негромко переговаривалась охрана.

Где-то в каменных переходах хлопнула дверь.

Я заставила себя не отступить.

— Я не знала, что приказ причинит вам такую боль.

Каэр поднял глаза.

— Теперь знаешь.

Ни утешения.

Ни облегчения.

Только факт.

Я кивнула.

— Да.

Он изучал мое лицо несколько секунд.

— Чего ты хочешь от меня, Нора Велант?

Я наконец села.

Стул скрипнул.

— Правды.

— Ты уже получила бумаги от Хольта?

— Только те, которые он счел нужным показать.

— И решила, что мои слова будут надежнее?

— Нет.

Каэр слегка приподнял бровь.

Я продолжила:

— Но я могу сравнить то, что скажете вы, с тем, что на-

писано в документах. И с тем, что видели другие люди.

— Другие люди.

Он произнес это так, будто слово «люди» требовало особой осторожности.

— Лекарка говорит, что не подписывала заключение о смерти Лианы.

Его выражение изменилось.

Совсем немного.

Но теперь я знала, насколько внимательно он умел слушать.

— Марта разговаривала с тобой?

— Да.

— Тогда у нее осталось больше смелости, чем я думал.

— Она обещала показать мне тело сестры утром.

Каэр опустил взгляд.

Я заметила, как напряглась его челюсть.

— Вы были знакомы с Лианой почти месяц, — сказала я.

— Я хочу узнать, какой она была здесь.

Он долго не отвечал.

Мне показалось, что я снова наткнулась на стену.

Потом Каэр спросил:

— Ты помнишь, какой она была до этой крепости?

Я удивилась.

— Конечно.

— Тогда начни с этого.

Вопрос обжег неожиданно сильно.

Перед глазами возникла Лиана в нашей маленькой кухне. Распущенные волосы, старый домашний халат и сердитое лицо, потому что я опять оставила раскрытой банку с вареньем.

Я вспомнила, как она пришивала мне пуговицы, хотя я давно научилась делать это сама.

Как однажды пришла ко мне ночью с бутылкой дешевого вина, потому что не хотела возвращаться домой после тяжелого разговора с начальником.

Как смеялась над собственными неудачами, прежде чем кто-нибудь успевал ее пожалеть.

— Она была упрямой, — сказала я.

Каэр едва заметно кивнул.

— Да.

— Всегда делала вид, будто знает, что нужно другим.

— И это было.

Я подняла голову.

— Вы говорите так, словно действительно ее знали.

— Достаточно, чтобы спорить.

— Она с вами спорила?

Он посмотрел на книгу.

— Чаще, чем следовало.

Я вдруг представила Лиану напротив этого огромного мужчины.

Не испуганную женщину с ключом, а сестру, которая могла двадцать минут доказывать торговцу, что тот неправиль-

но подсчитал цену ткани.

Представление оказалось настолько живым, что мне пришлось отвернуться.

Потому что на мгновение она снова была жива.

Я провела рукой по лицу.

— Простите.

Каэр не ответил.

И я была благодарна.

Мне не хотелось слышать, что все будет хорошо.

Хорошо уже не будет.

Но, возможно, когда-нибудь станет иначе.

Я выпрямилась.

— Господин Рейнд, я задам вам один вопрос.

Он чуть наклонил голову.

— Один?

— Пока один.

— Тогда выбирай внимательно.

Я посмотрела на его руки.

На цепи.

На серебряную печать, которой его удерживали девять лет.

Потом подняла глаза.

— Вы были рядом с Лианой, когда она умерла?

Каэр не отвел взгляда.

— Да.

Я почувствовала, как холодеют пальцы.

— И что произошло?

Он медленно сжал руку на краю стола.

Несколько секунд я слышала только слабое потрескивание лампы.

Потом Каэр произнес:

— Она просила не отдавать тебе ключ.

Глава 2. Не его огонь

Я ждала продолжения.

Каэр молчал.

Он сидел по другую сторону стола, освещенный единственной лампой, и смотрел на меня так, словно уже сказал слишком много.

— Когда? — спросила я.

Он чуть нахмурился.

— Что?

— Когда Лиана просила не отдавать мне ключ?

— В день смерти.

Мне пришлось сжать пальцы на коленях, чтобы он не заметил, как они дрожат.

— Она знала, что я приеду?

— Не знаю.

— Тогда почему говорила обо мне?

Каэр опустил взгляд на мой браслет.

Я невольно прикрыла его правой ладонью.

— Отвечайте.

— Ты всегда так разговариваешь с людьми, у которых пытаешься получить помощь?

Я почувствовала, как к лицу приливает кровь.

— Простите. Но речь о моей сестре.

— Я знаю.

Всего два слова.

Без издевки, без раздражения. От этого стало еще труднее.

Я заставила себя медленно выдохнуть.

— Вы сказали, что были рядом, когда она умерла. Где именно?

— Здесь.

Я посмотрела на кровать, на стол, на каменные плиты пола.

— В этой комнате?

— Ее привели для очередной проверки. Потом началось то, что они называют выбросом.

— Кто привел?

— Хольт. С ним были солдаты.

— И что произошло?

Каэр провел ладонью по лицу.

— Она сначала сказала, что мерзнут руки. Потом попросила снять браслет. Хольт ответил, что нельзя прерывать проверку.

В комнате стало холоднее.

Или это мне показалось.

— Он был здесь, когда она умерла?

— Нет. К тому времени он вышел.

— Оставил ее с вами?

— Да.

Я посмотрела на цепи.

Серебряные линии под кожей Каэра почти не светились. Только у левого запястья время от времени пробежал слабый бледный отблеск.

— Почему?

— Я не знаю, Нора.

Он произнес мое имя устало.

Не как человек, которому надоело отвечать. Скорее как тот, кто снова вспоминал события, которые не мог изменить.

— Она упала, — продолжил он. — Я пытался удержать ее. Потом звал лекарку.

— А Лиана?

— Сказала, чтобы ключ не передавали тебе.

— Только это?

Каэр отвел глаза.

Мне захотелось встряхнуть его.

Я целых десять дней добивалась сведений о смерти сестры. Сейчас передо мной находился единственный человек, который видел ее последние минуты, а я вынуждена была вытягивать каждое слово.

— Вы понимаете, что я хочу знать все?

— Понимаю.

— Тогда почему молчите?

Он посмотрел прямо на меня.

— Потому что ты спрашиваешь, что произошло с ней. А я до сих пор не могу объяснить даже то, что произошло со мной.

Я замолчала.

Каэр медленно поднял руки.

На запястьях висели обручи. Под ними кожа была темнее, чем на предплечьях.

— Перед ее смертью меня словно опустошили. Я не мог подняться. Не мог добраться до двери, когда она перестала дышать. А потом все закончилось.

— Вы чувствовали боль?

— Нет.

Он помолчал.

— Было хуже.

Я ждала.

— Представь, что ты вдруг перестала чувствовать собственные руки. Они на месте. Ты видишь их. Но больше не уверена, что они твои.

Я посмотрела на свои пальцы.

Обычные человеческие пальцы. На среднем — маленький старый шрам от раскаленного инструмента.

На левой руке — браслет.

— И так было с остальными женщинами?

Каэр не ответил сразу.

— Да.

Я достала блокнот.

Он проследил за движением.

— Уже записываешь?

— Пока помню.

— Разве ты можешь забыть?

Я подняла на него глаза.

— Могу. Подробности забываются. Особенно те, которые хочется выбросить из головы.

Он ничего не сказал.

Я записала его слова почти дословно.

Когда подняла голову, Каэр все еще смотрел на меня. Теперь не так холодно.

— Если вы не убивали Лиану, — начала я, — мне нужно понять, кто это сделал.

— Сначала пойми, от чего она умерла.

— Вы знаете?

— Нет.

Он смотрел мне в глаза.

— Но я знаю, что это было не мое нападение.

— Даже если вы не управляли тем, что происходило?

На лице Каэра промелькнуло раздражение.

— Я не утверждаю, что во мне не осталось ничего опасного. Я говорю, что не нападал на твою сестру.

Разница была важной.

Я внесла еще одну запись.

— Завтра мне разрешили осмотреть тело.

Он резко поднял голову.

— Марта согласилась?

— Да.

Каэр коротко выдохнул.

— Тогда слушай ее внимательно.

— Вы ей доверяете?

— В определенных вещах.

— В каких?

— Она умеет отличать боль от непослушания.

Я посмотрела на красную полосу под его правым обручем.

— Вам требуется помощь лекарки?

— Мне требуется девять лет моей жизни.

Я не нашла ответа.

Каэр отвел взгляд.

— Иди спать, Нора.

— Я не закончила.

— А я закончил на сегодня.

Это прозвучало твердо, без угрозы.

Впервые с момента нашего знакомства я попыталась не воспринимать чужой отказ как препятствие, которое необходимо преодолеть.

Закрыла блокнот.

— Хорошо.

Каэр, кажется, удивился.

Я поднялась.

— Спасибо за то, что рассказали.

Он не ответил.

У двери я обернулась.

— И еще. Сегодня, когда Хольт проверял приказную ветвь...

— Не надо.

— Я хотела сказать...

— Я знаю, что ты хотела сказать.

Каэр посмотрел на мое запястье.

— Просто больше этого не делай.

Я кивнула.

Вышла в коридор и закрыла за собой дверь.

Капитан Бренн ждал у лестницы. Он не спросил, о чем мы говорили.

Я тоже не стала рассказывать.

В ту ночь мне впервые приснилась Лиана.

Не мертвая.

Она стояла посреди нашей старой кухни, держала в руках тарелку с горячим хлебом и сердито говорила, что я опять забыла закрыть окно.

Я пыталась объяснить, что окна больше нет.

Она не слушала.

Когда я проснулась, еще несколько секунд слышала ее голос.

Потом за стеной ударил утренний колокол.

И я вспомнила, где нахожусь.

Марта пришла сразу после завтрака.

Она принесла чистый передник, небольшой кожаный фу-

тляр с инструментами и сложенную вчетверо белую ткань.

— Вам необязательно присутствовать при осмотре, — сказала она.

— Обязательно.

— Я имею в виду, что могу описать все, что обнаружила. Не нужно заставлять себя смотреть, если...

— Марта.

Она замолчала.

Я застегнула манжету платья.

— Десять дней я представляла свою сестру мертвой. Каждое утро просыпалась и на несколько секунд забывала, что случилось. Потом вспоминала. Мне кажется, я справлюсь с тем, чтобы наконец увидеть ее.

Лекарка смотрела на меня с грустью.

— Представлять и видеть — разные вещи.

— Знаю.

И все-таки не знала.

Это выяснилось позже.

Мы вышли из жилой башни и пересекли небольшой двор.

Утро было холодным. На камнях блестела влага. Над ущельем висели низкие облака, и ветер приносил запах мокрой земли.

Вчера я почти не заметила сад у внутренней стены.

Несколько поздних роз еще держались на голых кустах. Между ними стояла деревянная скамейка.

На ее спинке кто-то вырезал маленькую птицу.

Я задержала взгляд.

Лиана любила рисовать птиц. Не потому, что хорошо умела. Наоборот, все ее рисунки напоминали толстых куриц с длинными хвостами.

Иногда она оставляла их на полях счетных книг, а потом сердито зачеркивала, если кто-нибудь замечал.

Я хотела спросить Марту, сидела ли сестра в этом саду.

Но мы уже подошли к лечебнице.

Она занимала часть старого строения возле часовни. На первом этаже находились комнаты для раненых и хозяйственные помещения. Ниже, куда вела узкая лестница, располагалась погребальная комната.

Марта отперла тяжелую дверь.

Из темноты потянуло сухим холодом.

Я остановилась на пороге.

Не из-за холода.

Из-за запаха.

Воск, чистое полотно, камень и слабый аромат трав.

Никакого ужаса, который я почему-то ожидала.

Только тишина.

Очень аккуратная, очень спокойная.

Такая, которой не должно существовать рядом с человеком, еще недавно смеявшимся за обеденным столом.

В глубине помещения стояли три каменных ложа. Два были пусты.

Третье закрывала белая простыня.

Марта опустила инструменты на небольшой стол.

— Холодная печать поддерживает состояние тела. Она не восстанавливает повреждения и не скрывает их. Я проверяла это после установки.

Я кивнула.

Она подошла к ложу.

— Я могу открыть лицо.

— Нет.

Марта остановилась.

— Я сама.

Она отступила.

Я подошла.

На мгновение мне показалось, что простыня слегка движется.

Как будто Лиана дышала.

Я знала, что это невозможно.

Знала, что ткань колыхалась от движения холодного воздуха.

И все равно несколько секунд не могла протянуть руку.

Потом взялась за край.

Отвернула.

Лиана лежала на спине.

Волосы были аккуратно расчесаны и уложены вокруг головы. Лицо оказалось немного бледнее, чем я помнила, губы — почти бесцветными.

На левом виске виднелась маленькая родинка.

Я знала эту родинку всю жизнь.

Еще ребенком я однажды сказала сестре, что у нее на лице сидит черная мушка.

Лиана ответила, что это знак особой красоты и мне остается только завидовать.

Я ненавидела тот разговор за то, как отчетливо он вспоминался.

— Привет, — сказала я.

Голос прозвучал глупо.

Слишком тихо.

Я стояла у каменного ложа и ждала чего-то невозможного.

Что она нахмурится.

Что откроет глаза.

Что спросит, почему я опять приехала без предупреждения.

Лиана не двигалась.

Я протянула руку и коснулась ее щеки.

Кожа была холодной.

Не прохладной после сна.

Холодной, как камень под простыней.

У меня перехватило дыхание.

Я пыталась удержаться.

Не получилось.

Пришлось опереться ладонями о край ложа, потому что ноги вдруг перестали слушаться.

Марта не стала обнимать меня.

Не произнесла ничего утешительного.

Она просто придвинула стул.

Я села, не отрывая взгляда от сестры.

Мне хотелось рассказать ей обо всем, что произошло за эти десять дней.

Как я разбила чашку, когда получила известие.

Как трижды приходила в управление и стояла в очереди с людьми, которые жаловались на штрафы и недопоставки.

Как в последний вечер дома вдруг вспомнила, что обещала Лиане купить новые перчатки.

Я их так и не купила.

Вместо этого сидела возле нее и думала о дурацких перчатках.

— Мы поссорились, — сказала я.

Марта не ответила.

— Перед ее отъездом. Я наговорила лишнего.

— Она рассказывала.

Я резко подняла голову.

— Что?

Лекарка чуть улыбнулась.

— Что у нее есть младшая сестра, которая способна найти ошибку даже в правильно составленном договоре.

Я опустила глаза.

— Похоже на нее.

— Она очень вами гордилась.

Эти слова оказались хуже всех соболезнований.

Я закрыла лицо руками.

Плакала недолго.

Не потому, что быстро справилась. Просто внутри будто не осталось места для всего, что на меня обрушилось.

Когда смогла снова поднять голову, Марта подала мне чистый платок.

Я вытерла щеки.

— Покажите, что обнаружили.

Лекарка внимательно посмотрела на меня.

— Уверены?

— Да.

Она осторожно отогнула простыню до плеч Лианы.

Сестра лежала в чистой светлой рубашке. Никаких повреждений на шее или груди я не увидела.

Марта взяла ее левую руку.

— Ключ сняли после смерти, — сказала она. — Он разомкнулся, когда связь перестала удерживаться живым носителем.

Я посмотрела на собственный браслет.

— Сам?

— Да.

— До этого его невозможно было снять?

— Обычным способом нет.

Я старалась не думать о том, что разомкнуть свой ключ таким же образом мне совершенно не хотелось.

На запястье Лианы оставался темный след.

Не ровная полоса от металла.

От внутреннего края к предплечью тянулись несколько тонких бурых линий. Они расходились под кожей, постепенно становясь бледнее.

Я подалась вперед.

— Можно?

Марта кивнула.

Я осторожно повернула руку сестры к свету.

След был необычным.

При внешнем магическом ударе повреждение обычно возникало в месте попадания. Сначала разрушался наружный слой, затем энергия проходила глубже, оставляя характерные неровности.

Здесь рисунок выглядел иначе.

Самый темный участок находился под тем местом, где располагалась внутренняя пластина ключа. От него отходили тонкие разветвления, словно след повторял направление линий, проходивших из тела к браслету.

— Вы видели подобное раньше? — спросила я.

— На других хозяйках.

Я подняла голову.

— На всех?

— Да.

Марта произнесла это спокойно.

Но ее пальцы на мгновение сильнее сжали ткань.

Я снова посмотрела на руку Лианы.

— Это не похоже на обычный внешний выброс.

— Именно это я сказала господину Хольту.

— Что он ответил?

— Что у драконьего пламени особая природа и привычные признаки могут отличаться.

— И вы согласились?

— Я отказалась подписывать указанную причину смерти.

Вот почему на заключении не было подписи.

Не ошибка.

Не забывчивость.

Отказ человека, который видел достаточно, чтобы усомниться.

— Что было в вашем заключении?

— Остановка сердца вследствие тяжелого магического повреждения. Неустановленное направление основного воздействия. Подозрение на искусственно вызванное нарушение связи ключа.

Я медленно повернулась к ней.

— Вы написали именно так?

— Да.

— Где этот документ?

Марта посмотрела на закрытую дверь.

— В официальном деле его нет.

— А у вас?

— Копию я сохранила.

Впервые с момента приезда в крепость я почувствовала

что-то похожее на надежду.

Осторожную.

Болезненную.

Но настоящую.

— Мне нужна эта копия.

— Я принесу ее.

Я снова посмотрела на след.

— Можете показать, где именно он начинался?

Марта указала тонким инструментом на темный участок у внутренней стороны запястья.

— Здесь. Первое повреждение находилось под пластиной. На внешней стороне руки почти ничего не было.

— Если бы огонь пришел от Каэра, он должен был сначала пройти через защитную ветвь.

— Предположительно.

— И оставить след в месте приема.

— Вы лучше меня понимаете магические схемы.

— Но пока не знаю полную схему этой печати.

Я замолчала.

Слишком рано было делать выводы.

Возможность обратного потока существовала в некоторых договорных системах. Необычный след еще не доказывал умышленное убийство.

Но он точно противоречил простому объяснению, которое мне выдали в столице.

Я осторожно положила руку Лианы обратно.

Пальцы сестры были раскрыты.

На среднем пальце остался маленький шрам.

Такие шрамы мы получили в один день.

Мне тогда исполнилось одиннадцать, Лиане — пятнадцать. Мы пытались починить сломанную застёжку материнского сундука. Лиана держала металлическую деталь, а я слишком сильно нагрела инструмент.

Она вскрикнула.

Я расплакалась раньше нее.

И все следующие годы Лиана показывала мне этот шрам, когда считала, что я опять собираюсь сделать что-нибудь чрезмерно смелое.

«Видишь? Это моя плата за твою уверенность».

Я осторожно коснулась маленькой отметины.

— Мне жаль, — прошептала я.

Не знала, за что именно прошу прощения.

За ссору.

За то, что не приехала раньше.

За то, что не распознала в ее последнем письме страха.

Наверное, за все сразу.

Марта стояла рядом.

Когда я наконец накрыла сестру простыней, лекарка не стала торопить меня к выходу.

Я задержалась еще на несколько минут.

Потом сказала:

— Я хочу, чтобы ее похоронили дома.

— Понимаю.

— Не здесь. И не на коронном кладбище.

— Я помогу подготовить документы.

Я посмотрела на белую ткань.

— Обещаю, что вернусь за тобой, Лиана.

Марта тихо открыла дверь.

Я вышла вслед за ней.

В лечебнице пахло мятой, уксусом и свежевыстиранным бельем.

Марта привела меня в маленький кабинет с двумя окнами. На полках стояли стеклянные банки и аккуратно подписанные коробочки. Возле письменного стола громоздилась стопка медицинских журналов.

Она закрыла дверь.

Потом подошла к шкафу.

Достала из-за ряда старых справочников тонкую тетрадь в темно-синем переплете.

— Это не официальный журнал, — предупредила Марта.
— Поэтому я не хотела отдавать его при капитане.

Я взяла тетрадь.

На первой странице красивым наклонным почерком было написано:

«Мирена Соль. Личные наблюдения».

Имя показалось знакомым.

— Третья хозяйка?

Марта кивнула.

— До назначения она работала лекаркой. Не в этой крепости. В столичной больнице.

Я перелистнула страницу.

Мирена записывала состояние пациентов, состав отваров и изменения магических показателей. Первые листы выглядели как обычный рабочий дневник.

Потом характер записей изменился.

«Двенадцатый день. После утреннего осмотра заметила кратковременное онемение пальцев. Ключ остается теплым. Предположительно реакция на длительный контакт с удерживающей печатью».

Дальше:

«Шестнадцатый день. Холод в кистях сохраняется даже после прогревания. При проверке общего состояния пленника выявлена выраженная слабость. Связываю с очередной настройкой контура. Необходимо проверить».

Я нахмурилась.

— Она сама отмечала его состояние?

— Да.

— Каэра?

— Кого же еще?

Я перевернула несколько страниц.

«Двадцать первый день. При попытке согреть руки полу-

чила кратковременный ожог от внутренней пластины. Повреждения наружного слоя кожи практически отсутствуют».

Следующая запись была сделана более неровным почерком.

«Двадцать шестой день. После обследования пленника возникло ощущение сильного жара под ключом. Господин Хольт объясняет состояние временной адаптацией. Не согласна с оценкой. Требую независимой проверки».

Я подняла глаза.

— Она обращалась к Хольту?

— Несколько раз.

— И?

— Он назначил дополнительный осмотр.

— Кто его проводил?

Марта отвела взгляд.

Ответ был очевиден.

— Сам Хольт, — сказала я.

Лекарка молча кивнула.

Я продолжила читать.

Последняя запись состояла всего из нескольких строк.

«Двадцать девятый день. С утра сильная слабость. Пальцы почти не чувствуют холод. Печать нагревается без прикосновения. Завтра потребую прекращения договора независимо от ответа зрителя».

На следующей странице ничего не было.

Я перевернула еще одну.

Пусто.

— Она умерла на следующий день? — спросила я.

— Да.

Я медленно закрыла тетрадь.

Мирена знала.

Не все.

Но достаточно, чтобы испугаться.

Она понимала, что с ней происходит что-то неправильное.

И хотела уйти.

Не успела.

— Почему ее записи остались у вас?

Марта села напротив.

— После смерти Мирены господин Хольт велел собрать личные бумаги. Эта тетрадь лежала у меня в шкафу. Мы вместе работали над несколькими медицинскими вопросами. Я тогда еще не знала, что нужно искать.

— Вы могли передать ее следователям.

— Я передала выписки из своих наблюдений.

— И что произошло?

— Мне ответили, что признаки объясняются воздействием драконьей магии. В окончательном заключении осталась только эта формулировка.

Я снова открыла дневник.

— А оригинал вы скрыли.

— Да.

— Почему не отправили жалобу за пределы управления?

Марта посмотрела на меня с таким выражением, что я сразу пожалела о резкости.

— Отправила. Через гарнизонную почту, потому что другого пути здесь почти нет. Ответа не получила. После этого смотритель распорядился проверять мои сообщения перед отправкой.

— Значит, вы подозревали, что женщин убивают, и остались?

Она не сразу ответила.

— Я подозревала, что происходят опасные нарушения. Но не могла доказать, кто их вызывает. И не знала, спасет ли мой уход кого-нибудь.

— Можно было предупредить следующую хозяйку.

— Я пыталась.

Я замолчала.

Марта сложила руки на столе.

— Агату я почти не знала. Она боялась дракона и не хотела видеть меня без крайней необходимости. Беата считала, что я пытаюсь напугать ее, чтобы получить влияние. Мирена сама занималась медициной и была уверена, что сумеет разобраться. Ольна просила меня не вмешиваться в ее дела.

— А Лиана?

Лекарка подняла глаза.

— Лиана слушала.

От этих слов у меня снова сжалось горло.

— И все равно умерла.

— Да.

Марта не попыталась смягчить ответ.

Я посмотрела на лежавший между нами дневник.

— Вы понимаете, что это может быть доказательством?

— Понимаю.

— Тогда почему отдаете его мне?

— Потому что вы первая, кто умеет читать медицинские наблюдения вместе с магической схемой.

— Хольт тоже умеет.

Марта грустно улыбнулась.

— Именно.

Я провела пальцем по обложке.

— Мне понадобится копия.

— Бумагу и чернила дам. Но оригинал должен остаться здесь.

— Согласна.

Лекарка поднялась.

— И еще одно. В официальных заключениях у всех пяти женщин указана почти одинаковая причина смерти.

— Выброс драконьего пламени?

— Да.

— А ваши наблюдения различались?

— В подробностях. У кого-то раньше появлялась слабость, у кого-то позже. Но непосредственно перед смертью происходило одно и то же.

— Что?

Марта обернулась.

— Они мерзли.

Я посмотрела на дневник Мирены.

— Даже когда браслет нагревался?

— Именно.

Она подошла к окну.

— И каждый раз в те же часы я замечала, что Каэр становился слабее. Иногда настолько, что ему было трудно стоять.

Я вспомнила его рассказ ночью.

Ощущение, будто тело переставало принадлежать ему.

— Почему вы не включили это в итоговое заключение?

— Включила в первые два. Позже перестали принимать отчеты, где упоминалось состояние пленника.

— Кто?

— Коронный смотритель.

Марта посмотрела на меня.

— Нора, я не говорю, что Каэр не опасен. Он дракон. Он участвовал в войне. Я сама видела, сколько силы остается у него даже сейчас. Но в дни смерти женщин он был не источником внезапной силы.

Я медленно подняла голову.

— А чем?

— Человеком, у которого эту силу словно забирали.

В кабинете стало тихо.

За окном кто-то громко окликнул конюха.

Я открыла дневник Мирены на последней заполненной

странице.

«Завтра потребую прекращения договора».

Мирена не знала, что завтрашний день станет для нее последним.

Или, возможно, догадывалась.

Я взяла перо.

— Я хочу переписать все ее наблюдения.

— Переписывайте.

— И сравнить их с датами остальных хозяек.

Марта подала мне чистые листы.

— Полагаю, вы уже знаете, где висят их портреты.

Я кивнула.

Лекарка села за собственный стол.

Некоторое время мы работали молча.

Я переписывала записи Мирены, стараясь сохранить каждую формулировку. Даже те, которые пока казались несущественными.

Марта перебирала медицинские инструменты и иногда смотрела на меня.

Когда я дошла до последней страницы, она сказала:

— У вас такой же почерк, как у Лианы.

Я остановилась.

— Правда?

— Только вы сильнее нажимаете на перо.

Я посмотрела на собственные строчки.

Перо местами царапало бумагу.

Мне захотелось рассмеяться.

Вместо этого я продолжила писать.

После полудня меня вызвал Хольт.

Он находился в административной комнате над внутренним двором. На столе лежали бумаги, рядом стояла чашка остывшего чая.

Смотритель посмотрел на меня поверх очков.

— Мне сообщили, что вы посетили погребальную комнату.

— Да.

— Надеюсь, это помогло вам справиться с необходимыми формальностями.

Я села без приглашения.

— Меня интересует заключение лекарки.

Он положил перо.

— Вы уже обсуждали это с госпожой Сен.

— Обсуждала. И выяснила, что она не подписывала указанную причину смерти.

— У нас возникли профессиональные разногласия.

— Разногласия по поводу того, что убило мою сестру?

— По поводу трактовки последствий магического воздействия.

— Тогда почему на документе стоит окончательный диа-

гноз?

— Потому что коронный надзор обязан завершать подобные дела, даже если отдельные специалисты не согласны с выводами комиссии.

Я наклонилась вперед.

— Где решение комиссии?

— В закрытом деле.

— Дайте мне его.

Хольт выдохнул.

— Нора...

— Я действующая хранительница. Согласно договору имею право получать сведения о состоянии пленника и нарушениях, связанных с его печатью.

— Сведения о смертях предыдущих хранительниц не полностью входят в этот перечень.

Я достала из сумки договор.

Раскрыла на нужной странице.

— Вот здесь указано: «Все документы, необходимые для безопасного использования ключа и предупреждения повторных аварий».

Он посмотрел на строку.

— Вы всегда умели находить выгодные формулировки.

— Обычно потому, что сама умею их писать.

Хольт откинулся на спинку кресла.

— Хорошо. Завтра вам предоставят выписки из служебных отчетов.

— Полные.

— В пределах допуска.

— Я также требую схему удерживающей системы.

— Мы уже обсуждали это.

— Мы обсуждали закрытую часть договора до моего назначения. Теперь я назначена.

На его лице появилось раздражение.

Едва заметное, но настоящее.

— Полная схема содержит военные сведения. Вы сможете ознакомиться с разрешенными разделами.

— Я не могу отвечать за безопасность системы, принцип работы которой от меня скрывают.

— Вам не требуется отвечать за ее устройство.

— Тогда зачем назначать специалиста по печатям?

Хольт замолчал.

Я поняла, что задела что-то важное.

— Лиана не была специалистом, — продолжила я. — До нее, насколько мне известно, тоже назначали женщин самых разных занятий. Почему именно меня решили допустить к договору, который связан с магическим устройством?

— Вы сами потребовали эту должность.

— Нет. Мне предложили наследственное назначение, подготовленное до моего приезда.

Хольт внимательно посмотрел на меня.

— Ваша сестра оставила соответствующее распоряжение.

— Тогда я хочу увидеть его полностью.

— Документ хранится в реестре.

— Разумеется.

Он снял очки.

Потер переносицу.

— Нора, я не хочу, чтобы вы начали воспринимать всех вокруг как врагов.

— Пока я вижу людей, которые не отвечают на вопросы.

— Вы только вчера приехали.

— А моя сестра умерла за десять дней до моего приезда. У меня было достаточно времени, чтобы сформулировать вопросы.

Хольт медленно вернул очки на место.

— Иногда горе заставляет нас искать чей-то злой умысел даже там, где произошла трагическая случайность.

Я посмотрела ему в глаза.

— Пять случайностей?

Он ничего не сказал.

— Пять женщин, один дракон, один и тот же ключ. Это очень необычное совпадение.

— Вы не знаете обстоятельств всех пяти случаев.

— Именно поэтому прошу документы.

Хольт поднялся.

Разговор явно был закончен.

— Я распоряжусь, чтобы капитан предоставил вам выписки. Советую пока не перегружать себя. Вы только вступили в должность.

Я тоже поднялась.

— И хочу уточнить процедуру отказа.

Он остановился.

— Что именно?

— В договоре указано, что полномочия прекращаются после регистрации уведомления. Но не указано, когда снимают браслет.

Хольт взглянул на мою руку.

— Отключение ключа проводится по завершении необходимых проверок.

— Какие проверки?

— Безопасности системы.

— Сколько времени они занимают?

— Зависит от состояния печати.

— В договоре установлен трехдневный срок.

— Для административной процедуры, Нора.

Я почувствовала холод под ребрами.

— Значит, через три дня полномочия прекратятся, но браслет может остаться?

Он не ответил прямо.

— Подобные вопросы проще решать после изучения действующих правил.

— Хольт.

Он посмотрел на меня.

Я впервые произнесла его фамилию без титула.

— Вы можете гарантировать, что я сниму ключ и покину

крепость в течение трех дней после подачи заявления?

В комнате повисла тишина.

Потом смотритель аккуратно сложил бумаги.

— Я могу гарантировать, что управление предпримет все предусмотренные меры для обеспечения вашей безопасности.

Я смотрела на него еще несколько секунд.

Два года назад он точно так же заверял меня, что отстранение от службы является временным.

Потом пришло распоряжение о лишении допуска.

Я уже знала цену подобным обещаниям.

— Благодарю за разъяснение, — сказала я.

Повернулась и вышла.

За дверью пришлось остановиться.

Не потому, что я боялась капитана или Хольта.

Просто внезапно стало трудно дышать.

Я подошла к открытому окну в коридоре.

Снаружи пахло мокрым камнем.

Вчера я думала, что могу уйти.

Теперь у меня не было уверенности даже в том, что поданное заявление позволит снять браслет.

И чем дольше я изучала документы, тем меньше мне нравилась эта неопределенность.

К вечеру я получила две папки с выписками.

Они оказались гораздо тоньше, чем я рассчитывала.

В первой содержались назначения хозяек. Во второй — служебные заключения после их смерти.

Часть строк была закрыта серыми полосами ведомственной печати.

Я попыталась снять верхнее копировальное изображение обычным проявляющим порошком.

Безуспешно.

Скрывающий слой был магическим.

Он не портил бумагу, но надежно защищал текст от глаз тех, кто не имел соответствующего допуска.

Я отложила папку.

Потом достала блокнот и переписанные записи Мирены.

На отдельном листе составила перечень имен.

Агата Дейн.

Беата Ровен.

Мирена Соль.

Ольна Тар.

Лиана Велант.

Пять женщин.

Пять назначений.

Пять смертей.

На мгновение я задержала перо над шестой строкой.

Потом написала собственное имя.

Нора Велант.

Не очень приятный список.

Я вышла в галерею.

Портреты висели на прежних местах. Теперь рядом никого не было. Сквозь высокие окна падал косой вечерний свет.

Я остановилась перед первым портретом.

Агата Дейн.

Женщина с темными волосами, собранными под скромным чепцом. Лицо строгое, у губ заметные складки. Она выглядела уставшей, будто художник заставил ее слишком долго сидеть неподвижно.

Ниже были выгравированы дата назначения и дата окончания службы.

Я переписала обе.

У следующего портрета задержалась дольше.

Беата Ровен оказалась молодой женщиной с ярко-рыжими волосами и большим жемчужным украшением на шее. Она смотрела на художника почти вызывающе.

Потом Мирена.

На портрете третья хозяйка держала руки сложенными перед собой. Художник изобразил ее в светлом платье с узким воротом. Выражение лица было сосредоточенным, даже немного сердитым.

Я вспомнила ее последние записи.

«Завтра потребую прекращения договора».

Ольна Тар выглядела старше остальных. Седые пряди выбивались из строгой прически. Рот был сжат, глаза смотрели прямо перед собой.

Последняя — Лиана.

Я остановилась.

Вчера мне показалось, что художник передал ее улыбку точно.

Сегодня я заметила, что он не сумел нарисовать глаза.

Лиана обычно смотрела на человека чуть исподлобья, даже когда веселилась. Здесь ее взгляд был слишком мягким.

Я невольно подняла руку.

Не коснулась портрета.

Только провела пальцами в воздухе возле рамы.

— Прости, — тихо сказала я.

И снова не знала, за что именно.

Из противоположного конца галереи донеслись шаги.

Я быстро опустила руку.

Появился капитан Бренн.

Увидев меня, он остановился.

— Вам что-нибудь требуется?

— Нет. Изучаю историю крепости.

Его взгляд скользнул по блокноту.

— Полагаю, вы получили выписки.

— Да.

— Господин Холт распорядился, чтобы с завтрашнего

дня вы согласовывали посещение архивного крыла заранее.

— А портреты тоже считаются архивом?

Гарт посмотрел на стену.

— Нет.

— Тогда, вероятно, я могу еще немного здесь постоять.

Он не улыбнулся.

Но уголок его рта чуть дрогнул.

— Можете.

Я снова повернулась к портретам.

— Вы видели всех пятерых?

Капитан помолчал.

— Да.

— И все они жили в моей комнате?

— Да.

— Вы были здесь, когда они умирали?

— На службе.

— Это не совсем то же самое.

Он ничего не ответил.

Я показала на таблички.

— Почему здесь написано «окончание службы», а не дата смерти?

Гарт посмотрел на портрет Лианы.

— Такова установленная форма.

— Удивительная у вас любовь к формам.

— Крепость военная.

— Значит, если завтра меня найдут мертвой, мне тоже на-

пишут, что я закончила службу?

Он резко повернул голову.

— Госпожа Велант.

Я пожалела о словах, как только они прозвучали.

Не потому, что он рассердился.

Потому что я сама слышала, насколько страшно это выглядит.

Шестая пустая дата.

Шестой портрет.

Мое имя на металлической табличке.

Гарт отвел взгляд.

— Вам не следует говорить подобное.

Я закрыла блокнот.

— Я предпочла бы иметь основания не думать об этом.

Он стоял неподвижно.

Потом сказал:

— Иногда осторожность полезнее вопросов.

Я посмотрела на него.

— А предыдущим женщинам она помогла?

Капитан сжал губы.

Несколько секунд мы молчали.

Наконец он произнес:

— Я не желаю вам зла, госпожа Велант.

— Тогда расскажите, что произошло с моей сестрой.

Он опустил глаза.

— Я не присутствовал при самой смерти.

— Но вы знаете больше, чем говорите.

Гарт посмотрел на меня.

Впервые его лицо перестало быть просто официальным.

Я увидела усталость.

Настоящую, накопившуюся за долгое время.

— В этой крепости есть вещи, которые я не могу объяснить, — сказал он.

— Попробуйте.

— Не сегодня.

Он развернулся и ушел.

Я осталась одна перед портретами.

Некоторое время смотрела вслед капитану.

Потом снова открыла блокнот.

Если люди не хотят рассказывать, иногда за них говорят даты.

Следующее утро началось с письма.

Его принес молодой служащий, едва я закончила завтрак.

На плотной бумаге стояла официальная печать Хольта.

Смотритель уведомлял, что полная схема привязки будет предоставлена мне после дополнительной проверки допуска, а до того я должна воздержаться от самостоятельного вмешательства в удерживающую систему.

В конце следовала любезная просьба сообщать о любых

изменениях самочувствия.

Я перечитала последнее предложение.

Потом посмотрела на браслет.

Изменений пока не было.

По крайней мере, заметных.

Вчера вечером ключ нагрелся, когда я долго работала за столом. Потом остыл сам.

Я приняла это за обычный отклик металла на близость магических ламп.

Теперь уже не была уверена.

На третьи сутки моего пребывания в крепости мне хотелось получить хотя бы одну хорошую новость.

Вместо нее я получила запрещающее письмо.

Я отложила его и вернулась к списку дат.

Ночью успела переписать все сведения с портретов. Но считать усталой головой не стала.

Теперь разложила перед собой календарь, служебные выписки и блокнот.

Начала с Агаты.

Дата принятия ключа.

Дата смерти.

Отметила каждый день, считая день принятия ключа первым.

Потом пересчитала.

Получился тридцатый день.

Я проверила еще раз.

Та же цифра.

Перешла к Беате.

Тридцать.

К Мирене.

На ее портрете день окончания службы совпадал с датой,
указанной в медицинском заключении.

Тридцать.

Я положила перо.

Некоторое время смотрела на записи.

Взглянула на дату назначения Ольны.

Начала считать медленно, с учетом перехода между месяцами.

Тридцать.

Осталась Лиана.

Я почему-то медлила.

Ее дата стояла передо мной, написанная моим же почерком.

Я знала день смерти.

С тех пор вспоминала его каждое утро.

И вдруг мне стало страшно выполнить самый простой расчет.

Я заставила себя начать.

Первая неделя.

Вторая.

Третья.

Четвертая.

Еще два дня.

Снова тридцатый день.

Я медленно опустила перо.

Совпадение?

Пять раз?

При разных женщинах, разных обстоятельствах, разных временах года?

В случае обычной болезни можно ожидать приблизительно-но одинаковый срок развития. Но здесь каждая женщина вступала в контакт с одной и той же магической системой в разное время.

И умирала на тридцатые сутки после принятия ключа.

Я открыла дневник Мирены.

«Двадцать девятый день».

Следующая страница пуста.

Теперь стало понятно, почему.

Я взяла второй лист.

Написала крупно:

«Тридцатый день после соединения».

Подчеркнула.

Потом посмотрела на собственный браслет.

При назначении Хольт сказал, что ключ зарегистрирован.

Сегодня шел третий день, если считать день принятия ключа первым.

Значит, до предполагаемого срока оставалось двадцать семь.

Я закрыла глаза.

Пять смертей могли быть связаны с нарушением одного и того же устройства.

Но если срок был настолько точным, это слабо походило на случайную аварию.

Аварии не назначают себя на определенное число.

По крайней мере, не пять раз подряд.

Я быстро собрала бумаги.

Нужно было поговорить с Мартой.

И с Каэром.

Причем в этот раз я собиралась задавать вопросы иначе.

Марта работала в лечебнице.

У нее находился солдат с перевязанным плечом. По их разговору я поняла, что он получил обычный порез, а не магическое повреждение.

Увидев меня, лекарка указала на свободный стул.

— Подождите немного.

Я села.

Солдат пытался объяснить, что рана пустяковая и он вполне способен вернуться на пост.

Марта затянула повязку чуть сильнее.

Он немедленно замолчал.

— Вот теперь, — сказала она, — можете продолжить рас-

сказ о своей невероятной стойкости.

Я неожиданно улыбнулась.

Солдат покраснел и поспешил выйти.

Когда дверь закрылась, Марта посмотрела на меня.

— Что-то случилось?

Я положила перед ней список дат.

— Проверьте мои расчеты.

Она взяла лист.

Некоторое время читала.

Потом медленно села.

— Откуда у вас эти сведения?

— С портретов. Часть подтвердила по служебным выпискам.

Марта посмотрела на каждую строку.

Я видела, как меняется ее лицо.

— Вы раньше не сравнивали даты? — спросила я.

— Сравнивала обстоятельства смерти. Симптомы. Медицинские показатели.

— Но не сроки назначения?

Она покачала головой.

— Хранительницами занималась канцелярия. Я получала сведения о назначении уже после их приезда, иногда с задержкой. Записи о смерти были в медицинском деле, а данные о принятии ключа — у смотрителя.

— Теперь они перед вами.

Марта снова прочитала список.

— Тридцать дней...

Я кивнула.

— Пять раз.

— Может быть, это связано с периодом настройки ключа?

— Именно об этом я думаю. Но чтобы проверить, нужна полная схема.

Она потеряла лоб.

— Холт ее не даст.

— Тогда придется искать другую.

Марта подняла глаза.

— Вы не понимаете, насколько опасно вмешиваться в печать.

— Пока не собираюсь вмешиваться.

— Нора.

— Я собираюсь разобраться, почему пять женщин умерли в один и тот же срок.

Она долго смотрела на меня.

Потом сказала:

— Лиана тоже обнаружила, что в крепости что-то не сходится.

Я замерла.

— Что именно?

Марта покачала головой.

— Она почти ничего мне не рассказывала. Но за несколько дней до смерти попросила проверить, меняется ли температура ключа сама по себе.

Я почувствовала, как по спине проходит холод.

— И?

— Да. Он нагревался даже без прикосновения к управляющей пластине. Но только ближе к концу срока.

— С какого дня?

— После двадцатого заметно. У разных женщин немного по-разному.

Я посмотрела на собственный браслет.

Пока он был холодным.

Но теперь мне не хотелось радоваться этому.

— Почему Лиана вас спрашивала?

— Я не знаю.

— Она оставила записи?

— Возможно.

— В ее комнате все убрали.

— Да.

Марта отвела взгляд.

Мне показалось, что она хотела добавить что-то еще.

Но вместо этого поднялась и подошла к шкафу.

— Мне нужно показать вам одну вещь.

Она достала тонкую деревянную пластину. На поверхности были нанесены несколько линий магического наблюдения.

— Это старый прибор, — сказала она. — Он не вмешивается в работу ключа. Только показывает наличие активного потока рядом с ним.

Я узнала устройство.

Простой медицинский индикатор.

Подобные использовали в городских лечебницах, чтобы определять активность стабилизирующих печатей.

— Он исправен?

— Да. Я проверяла.

Марта положила пластину на стол.

— Можете поднести руку. Не касайтесь внутреннего участка браслета.

Я осторожно вытянула левую руку.

Между ключом и деревянной пластиной оставалось расстояние в несколько пальцев.

По нанесенным линиям пробежало слабое свечение.

Оно было неровным.

Я нахмурилась.

— Еще раз.

Марта переставила пластину.

Свечение повторилось.

Одна из линий вспыхнула ярче остальных, затем медленно погасла.

Я убрала руку.

— Странно.

— Что именно?

— Ключ поддерживает постоянное соединение, даже когда я не отдаю приказ.

— Это нормально?

— Для удерживающей системы — возможно. Для обычного управляющего браслета — нет.

Я посмотрела на пластину.

— Но без полной схемы ничего утверждать нельзя.

Марта убрала прибор.

— Я бы предпочла, чтобы вы пока больше не проверяли его самостоятельно.

— Согласна.

Она удивилась.

— Правда?

— Я не собираюсь рисковать жизнью ради красивого наблюдения, которое все равно ничего не доказывает.

Марта слабо улыбнулась.

Я забрала бумаги.

— Мне нужно поговорить с Каэром.

— О чем?

— О том, что он чувствовал перед каждой смертью.

Марта нахмурилась.

— Он не любит вспоминать.

— Я тоже.

Некоторое время мы смотрели друг на друга.

Потом она кивнула.

— Постарайтесь не превращать разговор в допрос.

Я уже собиралась выйти, когда она остановила меня.

— Нора.

Я обернулась.

— Когда найдете ответы, постарайтесь сначала сохранить себе жизнь.

Я посмотрела на ее лицо.

— Вы действительно считаете, что я могу умереть?

Марта не ответила сразу.

— Я считаю, что нам слишком долго говорили, будто происходящее нормально.

После этого спрашивать больше не хотелось.

К Каэру меня провели во второй половине дня.

На этот раз капитан Бренн сопровождал лично.

Он остановился у двери.

— Сегодня никаких проверок не назначено.

— Приятная новость.

— И господин Хольт просил напомнить, что пленник может использовать разговоры с вами для давления.

Я повернулась к капитану.

— А кто не может?

Гарт нахмурился.

— Простите?

— Хольт советует не доверять Каэру. Вы советуете соблюдать осторожность. Марта просит не вмешиваться в систему. Сам Каэр требует уйти. Каждый пытается убедить меня, что знает, как будет лучше.

Капитан молчал.

— Я просто собираюсь поговорить.

— Я понял.

Он открыл дверь.

Каэр сидел у окна.

На столе лежала книга, но на этот раз закрытая.

Увидев меня, он посмотрел на капитана.

— Я думал, у тебя сегодня выходной, Бренн.

— Не сегодня.

— Жаль. Мне почти удалось соскучиться.

Гарт не ответил.

Я прошла внутрь.

Дверь закрылась.

Каэр повернулся ко мне.

— Что-то случилось?

— Почему вы решили?

— Ты идешь слишком быстро, когда злишься.

Я остановилась.

— Мы знакомы всего три дня.

— Этого хватило, чтобы заметить.

Я невольно посмотрела на свои ботинки.

Потом снова на него.

— Мне нужны ответы.

— Как неожиданно.

Он откинулся на спинку стула.

На правом запястье оставался след той проверки. Теперь

красная полоса выглядела темнее.

Я задержала взгляд.

Каэр заметил.

— Не начинай.

— Я ничего не сказала.

— Зато подумала достаточно громко.

Я вздохнула.

— Можно мне сесть?

Он поднял бровь.

— Разве ты должна спрашивать?

— Если собираюсь пользоваться вашим столом, наверное, да.

Каэр несколько секунд смотрел на меня.

Потом отодвинул ногой второй стул.

— Садись.

Я села.

Он посмотрел на папку в моих руках.

— Принесла еще один договор?

— Нет.

Разложила перед ним список.

— Даты.

Каэр опустил глаза.

— Что с ними?

— Все пять женщин умерли на тридцатые сутки после принятия ключа.

Он не выглядел удивленным.

Это меня насторожило.

— Вы знали?

— Знал, что каждый раз проходило примерно столько времени.

— Почему не сказали?

— Ты не спрашивала о датах.

Я раздраженно выдохнула.

— Вы серьезно?

Каэр посмотрел на меня.

— Я провел здесь девять лет, Нора. Последние полтора года смотрел, как одна за другой приходят женщины, которых называют моими хозяйками. Я не вел календарь ради удовольствия.

Он говорил спокойно.

Но за этим спокойствием чувствовалась усталость, которую не объяснить одной бессонной ночью.

Я опустила глаза.

— Извините.

— Не нужно извиняться каждый раз, когда узнаешь неприятную вещь.

— Тогда перестаньте отвечать так, будто я виновата в вашем плене.

Он замолчал.

Я тоже.

Несколько секунд мы смотрели друг на друга.

Потом Каэр неожиданно спросил:

— Ты хочешь получить правду или доказать, что я обязан быть тебе благодарен за поиски?

Я почувствовала, как лицо становится горячим.

— Правду.

— Тогда давай искать ее.

Он подвинул список ближе.

Я не сразу нашлась с ответом.

Это был первый раз, когда Каэр предложил мне не уйти и не оставить его в покое, а продолжить разговор.

Я открыла блокнот.

— Марта сказала, что перед смертью каждой хозяйки вы слабели.

Он медленно кивнул.

— Да.

— Насколько заранее?

— По-разному.

— Примерно.

Он задумался.

— Иногда за несколько часов. Иногда я замечал изменения с утра.

— Что происходило?

Каэр посмотрел на свои руки.

— Сначала пропадало тепло.

— Драконье?

— Да.

— Оно всегда ощущается?

— Обычно.

Он положил ладонь на стол.

— Даже в человеческом облике я чувствую пламя. Не так, как человек чувствует температуру воздуха. Скорее как часть собственного тела. Оно может быть слабым, когда я истощен. Но я знаю, что оно там.

— А перед смертью хозяек?

— Становилось пусто.

Я вспомнила его рассказ ночью.

— Будто отнимали часть тела?

— Да.

— И после смерти ощущение проходило?

Он покачал головой.

— Становилось легче. Но не так, как раньше.

Я подняла голову.

— Объясните.

Каэр долго молчал.

Потом провел пальцем по темной полосе дерева.

— Представь колодец. Ты привыкла, что в нем есть вода. Каждый день ее становится немного меньше. Потом кто-то приходит с ведром и забирает еще. После этого колодец снова наполняется. Но не до прежнего уровня.

Я медленно записала.

— То есть после каждой смерти вы становились слабее?

— Да.

— Насколько?

Он посмотрел на собственные запястья.

— Достаточно, чтобы заметить.

Я задумалась.

Если его пламя действительно убивало женщин неконтролируемым выбросом, логично было бы ожидать резкого высвобождения силы. Но Каэр описывал обратное.

Потерю.

Причем не единовременную.

Постепенную.

— Вы когда-нибудь пытались нападать на своих хозяек?

Каэр поднял голову.

— Зачем ты спрашиваешь?

— Потому что в договоре есть запрет на прямое нападение. Хочу понять, насколько он надежен.

Он холодно усмехнулся.

— Проверить не предлагаю.

— Я тоже.

Он посмотрел на браслет.

— Когда женщина принимает ключ, я не могу намеренно причинить ей прямой вред. Печать останавливает раньше, чем я успеваю закончить движение.

— Даже если она не отдает приказ?

— Да.

— А если вред причиняет ваша магия случайно?

Каэр помолчал.

— Этого я не знаю.

Честный ответ.

Впервые я была почти рада, что он не пытается убедить меня в собственной абсолютной невинности.

— Значит, теоретически выброс мог произойти без вашего намерения?

— Теоретически, — повторил он.

Он чуть наклонился вперед.

— Но когда умирает женщина, а у меня исчезает часть силы, я не вижу причины называть это моим нападением.

— Возможно, поврежденная печать сама вызывает выброс.

— Возможно.

— Возможно, она использует вас как источник.

— Возможно.

Я посмотрела на него.

— Вы ведь понимаете, что это не делает ситуацию менее опасной?

— Я никогда не утверждал обратного.

Мы замолчали.

Я продолжила листать записи.

— У Мирены Соль были медицинские наблюдения.

Каэр резко поднял голову.

— Ты нашла ее дневник?

Я удивилась.

— Вы знали о нем?

— Она часто писала.

Он посмотрел на окно.

— Говорила, что плохая память обходится слишком дорого.

Я вспомнила собственные слова ночью.

Подробности забываются.

Особенно те, которые хочется забыть.

— Она пыталась вам помочь? — спросила я.

— Иногда.

— А остальные?

Каэр не ответил сразу.

Я уже хотела извиниться за вопрос, но он заговорил:

— Агата боялась меня. Беата считала, что если у нее есть ключ, я обязан выполнять все желания. Мирена пыталась лечить повреждения от печати. Ольна разговаривала со мной только по необходимости.

— А Лиана?

Его лицо стало неподвижным.

— Твоя сестра сначала пыталась доказать мне, что все можно решить официальным путем.

Я опустила глаза.

Очень похоже на Лиану.

— Потом?

— Потом перестала верить официальным ответам.

Я вздрогнула.

— Почему?

— Не знаю всего.

— Но что-то знаете.

Каэр посмотрел на меня.

— Она стала задавать вопросы о предыдущих хозяйках.

О том, почему у них одинаковые симптомы. О том, почему Марте не дают подписывать отчеты.

Я сжала перо.

— И что она обнаружила?

— Она мне не рассказывала.

— Почему?

— Потому что я был пленником, за каждым словом которого следили.

Я медленно закрыла блокнот.

Разумное объяснение.

Неприятное, но разумное.

— Она вам доверяла?

Каэр некоторое время смотрел на меня.

— Иногда.

Я почувствовала странный укол.

Не ревность.

Скорее боль от мысли, что Лиана прожила почти месяц рядом с этим мужчиной, говорила с ним о том, что боялась доверить мне, и умерла, не успев ничего объяснить.

— Она всегда так делала, — сказала я.

— Как?

— Решала, что лучше меня защитить от неприятных вещей. А потом оказывалось, что эти вещи никуда не исчезли.

Каэр слушал молча.

Я посмотрела на браслет.

— Мне бы хотелось хотя бы раз успеть спросить, почему она считала, что имеет право решать за меня.

— Возможно, она собиралась объяснить.

— Теперь не объяснит.

Впервые Каэр не ответил сразу.

Потом сказал:

— Нет.

Одно слово.

Не обещание, что все можно исправить.

Не попытка утешить.

Просто признание того, чего уже не изменить.

Я опустила голову.

Несколько секунд слушала собственное дыхание.

Когда снова подняла глаза, Каэр смотрел на мои руки.

— Ты держишь перо так, будто собираешься сломать.

Я посмотрела вниз.

Он был прав.

Я ослабила пальцы.

— Плохая привычка.

— У тебя их много?

— Достаточно.

Уголок его рта едва заметно дрогнул.

Я не была уверена, что действительно увидела это.

Но напряжение между нами немного ослабло.

— Что вы читаете? — спросила я, посмотрев на книгу.
Каэр перевел взгляд на обложку.

— О морских путях.

— Планируете путешествие?

Он поднял бровь.

Я тут же пожалела о вопросе.

Но он неожиданно ответил:

— Почему нет? Если когда-нибудь выйду отсюда, полезно
знать, куда направиться.

Я посмотрела на карту, выглядывавшую между страницами.

— Вы бы отправились к морю?

— Возможно.

— Почему?

Каэр некоторое время молчал.

— Там хотя бы горизонт не заканчивается стеной.

Я не нашла ответа.

За окном ветер ударил в стекло.

Каэр поднялся.

Цепи звякнули.

— На сегодня достаточно вопросов.

Я тоже встала.

— Мне необходимо проверить еще несколько вещей.

— Проверяй.

— Возможно, потребуется ваша помощь.

Он посмотрел на меня.

— Смотря какая.

Я кивнула.

— Справедливо.

У двери я остановилась.

— Каэр.

Он поднял голову.

Я впервые назвала его по имени без фамилии и титула.

Слово прозвучало непривычно.

— Когда Лиана умирала, вы пытались ей помочь?

Его лицо изменилось.

Не сильно.

Но я увидела.

— Да.

— Несмотря на то, что она была вашей хозяйкой?

Каэр долго смотрел на меня.

— Нора, ключ никогда не был единственным, что определяло мое отношение к человеку.

Я почувствовала, как поднимается жар к щекам.

Не потому, что он сказал что-то приятное.

Потому что я снова поймала себя на привычке думать о нем через договор.

Через власть.

Через то, кем его назначили.

— Простите, — сказала я.

— Ты снова извиняешься.

— Привыкайте.

На этот раз он действительно чуть улыбнулся.
Совсем ненадолго.
Потом отвернулся к окну.
Я вышла.

Вечером третьего дня я разложила на столе все, что удалось собрать.

Свидетельство о смерти Лианы.
Копию медицинского заключения Марты.
Выписки из служебных отчетов.
Записи Мирены.
Даты назначения пяти хозяек.
Мои собственные наблюдения.
Получилась небольшая гора бумаг.

Я смотрела на нее и думала, что Лиана непременно сказала бы что-нибудь о моей способности превращать любое помещение в филиал архива.

Потом бы села рядом.
И помогла разложить листы по порядку.
Я заставила себя вернуться к работе.
Сначала выделила подтвержденные факты.

Пять женщин, принимавших один и тот же ключ, умерли на тридцатый день.

У всех были схожие медицинские симптомы.

На телах оставались повреждения, связанные с браслетом.

Каэр утверждал, что перед каждой смертью слабел и терял часть магической силы.

Его рассказ совпадал с наблюдениями Марты.

Но пока только в общих чертах.

Отдельно я выписала предположения.

Возможно, причиной смерти становилась ошибка удерживающей системы.

Возможно, кто-то намеренно использовал эту ошибку.

Возможно, дракон был не источником смертельного воздействия, а частью механизма, который приводил к гибели хозяек.

Последнее предположение казалось самым опасным.

Если дело заключалось не в самом Каэре, то его казнь или перевод в другую тюрьму ничего бы не объяснили.

Если же печать работала неправильно, находиться с ней в постоянной связи было безумием.

Я снова посмотрела на браслет.

Серебряные насечки казались неподвижными.

Вчера я уже видела их несколько десятков раз.

Сегодня заметила нечто другое.

У внутреннего края появилась новая тонкая линия.

Сначала я решила, что ошибаюсь.

Поднесла руку к лампе.

Повернула запястье.

При заключении договора на металле проявилась одна ко-

роткая светлая черта. Теперь рядом с ней возникал едва заметный изгиб, будто узор продолжал расти.

Я приложила к браслету край чистого листа.

Сравнила рисунок с наброском, который сделала в первый вечер.

Разница была.

Очень маленькая.

Но несомненная.

Я осторожно провела пальцем по наружной поверхности.

Никакой боли.

Никакого жара.

Металл оставался прохладным.

Я не стала касаться внутренней пластины.

Вместо этого достала увеличительное стекло.

Под ним узор выглядел еще отчетливее.

Одна короткая линия превратилась в начало сложного переплетения.

Не украшение.

Работающий магический рисунок.

Я отложила стекло.

Посмотрела на список.

Тридцать суток.

У Мирены первые заметные симптомы появились позже.

У Лианы — тоже.

Сейчас шел всего третий день.

Времени еще оставалось достаточно, чтобы разобраться.

Я повторила это про себя дважды.

Потом взяла новый лист.

Написала наверху:

«Срок до предполагаемого завершения связи».

Под ним поставила число.

Двадцать семь.

Я смотрела на него долго.

Не потому, что не верила расчету.

Потому что впервые понимала, сколько именно времени мне, возможно, осталось.

Тридцатый день после принятия ключа.

Для пяти женщин он стал последним.

Ни одна не прожила тридцать первый.

Я положила перо на стол.

За окном раздался глухой раскат грома.

На мгновение погасла одна из ламп.

Потом снова вспыхнула.

Я посмотрела на левую руку.

Светлая линия на браслете медленно угасла, оставив после себя тонкий темный изгиб.

Она менялась.

Пока почти незаметно.

Но менялась.

И теперь мне предстояло выяснить, что именно отсчитывала эта печать.

До того, как она закончит считать.

Глава 3. Договор, которого не было

На четвертое утро я обнаружила, что в Сером Пределе умеют запирать не только двери.

Мой письменный стол был завален бумагами, но ни одна из них не содержала того, что мне действительно требовалось.

Полной схемы удерживающей печати.

Первоначального договора с Каэром Рейндом.

Документов, объясняющих, почему пять женщин умерли на тридцатый день после принятия ключа.

Зато я получила подробное расписание хозяйственных проверок, ведомость поставок свечей и официальное разъяснение, что посещение архива допускается только в сопровождении назначенного служащего.

Последнее распоряжение Хольт подписал лично.

Я отложила бумагу и посмотрела на свой браслет.

За ночь рисунок почти не изменился.

Тонкая линия под внешним ободом оставалась на месте. Металл был прохладным. Никакого онемения, жара или боли я пока не испытывала.

До тридцатого дня оставалось двадцать шесть суток.

Странно, как быстро человек начинает оценивать время, когда появляется основание считать его ограниченным.

Еще неделю назад я выбирала, какие заказы смогу закон-

чить к концу месяца.

Теперь прикидывала, сколько документов успею прочитывать до собственной предполагаемой смерти.

Я взяла перо.

На чистом листе написала:

«Требование о предоставлении материалов первоначального удержания Каэра Рейнда».

Ниже указала основание: действующая хранительница обязана знать особенности системы, за безопасность которой отвечает.

Подумала.

Добавила:

«Включая документы, определяющие правовое основание первоначальной привязки».

Это была важная разница.

Хольт мог сколько угодно ограничивать доступ к военным чертежам. Но объяснить, на каком основании пленник девять лет находится под действием магии, он был обязан хотя бы формально.

Я подписала требование.

Свернула лист и вышла из комнаты.

У дверей стоял молодой солдат.

За последние дни я узнала, что его зовут Терен. Он был рыжеватым, худым и старательно делал вид, будто нисколько не боится своей новой обязанности сопровождать шестую хозяйку.

— Доброе утро, госпожа Велант.

— Доброе. Мне нужен капитан.

— Он на утреннем обходе.

— Тогда отнесите ему это.

Я протянула письмо.

Терен посмотрел на сложенный лист так, словно я вручила ему взрывной артефакт.

— Мне велено сначала передавать корреспонденцию в канцелярию.

— Кто велел?

Он замялся.

— Господин смотритель.

Я убрала руку.

— Понятно. В таком случае письмо я отнесу сама.

— Но вам не разрешено...

Он осекся.

Я терпеливо ждала.

— Вы можете ходить по жилой башне, — закончил он. —

И по внутренней галерее.

— Архив находится во внутренней галерее.

— Да, но...

— Прекрасно. Значит, мы оба ничего не нарушим.

Я направилась к лестнице.

Терен поспешил следом.

Мне почти стало его жалко.

Почти.

Он оказался между женщиной с законным правом требовать документы и людьми, которые не хотели ей ничего показывать.

Я прекрасно знала, каково работать в подобной системе.

Самое неприятное состояло в том, что для исполнения любого распоряжения всегда находился человек с меньшими полномочиями, чем у того, кто распоряжение придумал.

И именно ему приходилось объяснять, почему очередное бессмысленное ограничение совершенно необходимо.

На первом этаже мы встретили капитана Бренна.

Он разговаривал с двумя солдатами возле двери во внутренний двор.

Увидев меня, Гарт прервал разговор.

— Госпожа Велант.

— Капитан. Мне требуется доступ к архиву.

Я протянула письмо.

Он развернул его и прочитал.

На лице не отразилось ничего хорошего.

— Это придется согласовать со зрителем.

— Согласно вчерашнему распоряжению, сопровождение назначается вами.

— Допуск определяет управление.

— Я не требую секретных боевых планов. Мне нужны документы первоначального удержания пленника.

Гарт снова посмотрел на письмо.

— Почему именно первоначального?

— Потому что нынешнюю схему составляли на основе более старой. Я хочу понять, какие изменения внесли за девять лет.

— Это вопрос к господину Хольту.

— Я ему уже задавала.

— И что он ответил?

— Что мне не требуется знать устройство системы, за которую я отвечаю.

Капитан чуть заметно поморщился.

Я продолжила:

— Если произойдет авария, вы станете объяснять родственникам, что ответственному лицу не разрешили читать инструкцию?

Он посмотрел на мой браслет.

Молчание затянулось.

Наконец Гарт вернул письмо.

— Я проведу вас в разрешенную часть архива. Но самостоятельно брать документы из хранилища запрещено.

— Согласна.

Он явно ожидал спора.

Я не стала его разочаровывать полностью.

— При условии, что мне предоставят полный каталог доступных материалов.

— Зачем?

— Чтобы понимать, какие документы существуют, даже если мне отказывают в их выдаче.

Гарт потер переносицу.

— Вы всегда настолько настойчивы?

— Только когда от меня что-нибудь скрывают.

Он велел Терену вернуться на пост и направился в архивное крыло.

Я пошла следом.

Архив Серого Предела оказался гораздо больше, чем я предполагала.

За первой дверью находилась читальная комната. Четыре длинных стола, шкафы с каталогами и высокая печь, от которой пахло нагретым железом.

За второй начиналось собственно хранилище.

Его отделяла решетка с двумя замками и магической пластиной.

На полках стояли деревянные короба, кожаные папки, связки пергамента и узкие металлические футляры для документов, которые нельзя было хранить рядом с обычной бумагой.

В дальнем углу работал пожилой архивный служащий.

Он поднял голову, когда мы вошли.

— Капитан?

— Госпоже Велант необходимы материалы по первоначальному удержанию пленника. Только разрешенные разде-

лы.

Служащий перевел взгляд на мой браслет.

Я заметила, как он изменился в лице.

Не сильно.

Но достаточно, чтобы понять: здесь уже привыкли реагировать на появление новой хозяйки определенным образом.

— Разумеется, — сказал он.

Гарт повернулся ко мне.

— Я оставлю вас с архивариусом. Через два часа у него сменится дежурство. Если потребуется продолжить работу, сообщите заранее.

— Благодарю.

Он ушел.

Архивариус подождал, пока дверь закроется.

Потом спросил:

— Вам нужен общий каталог или ведомственный?

— Оба.

Он достал из шкафа две толстые книги.

Я присела за стол.

Общий каталог оказался вполне прилично составлен. Документы распределялись по годам, подразделениям и типам хранения.

Девять лет назад Серый Предел еще считался пограничной крепостью.

Потом его передали военному надзору.

Позднее появилась отдельная категория: содержание ко-

ронного пленника особой опасности.

Еще через несколько лет часть записей переместили в закрытый реестр.

Я листала страницы и выписывала номера.

Архивариус поставил рядом чашку горячей воды.

— Чернила лучше разбавлять понемногу, — сказал он, заметив, что я открыла собственную чернильницу.

— Спасибо.

Он кивнул и вернулся к шкафам.

Я продолжила чтение.

Первоначальные материалы находились в разделе, озаглавленном «Пограничные соглашения и прием имущества».

Последние два слова заставили меня нахмуриться.

Документы о военнопленных обычно хранили отдельно от имущественных ведомостей.

Впрочем, за девять лет правила могли измениться.

Я выписала номер первого дела.

Затем второго.

На третьем обнаружилось несоответствие.

В каталоге значились листы с девятнадцатого по двадцать седьмой.

В выданной папке после девятнадцатого сразу шел двадцать третий.

Я перелистнула страницы обратно.

Посмотрела на нитку, которой они были прошиты.

Свежая.

Не совсем новая, но значительно светлее старой бумаги.

Я осторожно подняла край листа.

Отверстия от прежней прошивки находились чуть в стороне.

Кто-то разбирал дело и собирал заново.

— Простите, — позвала я архивариуса.

Он подошел.

— Да, госпожа?

— Когда перепрошивали этот том?

Мужчина посмотрел на папку.

— Не могу сказать без сверки с журналом.

— Проверьте, пожалуйста.

Он взял небольшой регистрационный справочник.

Полистал.

— Три года назад. По распоряжению коронного управления.

— Причина?

— Переклассификация материалов.

Я посмотрела на пропущенные листы.

— А где продолжение после девятнадцатого листа?

Архивариус нахмурился.

— Какой именно?

— В нумерации отсутствуют двадцатый, двадцать первый и двадцать второй.

Он проверил.

— Возможно, изъяты в закрытый раздел.

— Тогда должна быть отметка.

— Иногда ее вносят в отдельный реестр.

— Дайте посмотреть.

Архивариус помедлил.

— Этот реестр находится у смотрителя.

Я кивнула.

Почти ожидаемый ответ.

— Хорошо. Тогда принесите дело, которое идет следующим по старой описи.

Он взглянул на каталог.

— Здесь указан номер с литературой.

— Именно.

Мужчина ушел за решетку.

Я вернулась к папке.

Первый лист содержал обычный акт приема пленного военачальника.

Дата.

Место.

Список сопровождающих.

Отметка о доставке.

В графе «основание содержания» стояла ссылка на военное соглашение.

Самого соглашения в папке не было.

Зато я обнаружила несколько приложений.

Среди них — ведомость расходов на оборудование поме-

щения Каэра.

Кровать.

Умывальник.

Две цепи с серебряной проводкой.

Три комплекта одежды.

Стол.

Книги.

Я неожиданно задержалась на последней строке.

В самой первой ведомости значилось двенадцать книг.

Среди них были «Северные морские пути».

Я вспомнила раскрытый том на столе Каэра.

Значит, он читал его еще в начале заключения.

Или пытался.

Я представила, как девять лет назад кто-то внес эту книгу в его комнату. Тогда еще, возможно, считалось, что плен продлится несколько месяцев.

Потом несколько лет.

Потом никто уже не спрашивал, когда он закончится.

Архивариус вернулся с тонкой папкой.

— Нашел. Но здесь только сопроводительные записи.

Я открыла ее.

На первой странице находилась старая инвентарная опись.

Почерк был неровным, чернила местами выцвели.

Далее шел перечень переданных в крепость предметов.

Шесть серебряных узлов удержания.

Три медные пластины согласования.

Одна свидетельская пластина первоначального договора.

Я остановилась.

Прочитала строку еще раз.

— Свидетельская пластина?

Архивариус пожал плечами.

— Вероятно, юридический оттиск. Раньше такие использовали для военных договоров, связанных с магией.

— Где она?

Он посмотрел в каталог.

— По последней записи передана в техническое хранение.

— Что это означает?

— Предметы, которые не допускается уничтожать или перемещать без осмотра магической основы. Обычно их хранят отдельно от бумажных дел.

— Мне нужен номер.

Он провел пальцем по строке.

Назвал обозначение.

Я записала.

Потом посмотрела на следующую страницу.

Там находилась еще одна интересная подробность.

В старой описи использовалось слово «хранитель».

Не «хозяйка».

Не «владелица».

И даже не «управляющий».

Просто хранитель.

Я подчеркнула слово в блокноте.

— Могу посмотреть первичный акт?

Архивариус нахмурился.

— Если он находится в разрешенном техническом хранении.

— Проверьте.

Он снова ушел.

Я не знала, что именно найду на пластине.

Возможно, обычную копию военного договора.

Возможно, еще одну бумагу, полную красивых обещаний.

Но старая опись впервые дала мне не очередной запрет, а конкретное направление поиска.

И я не собиралась его упускать.

К обеду архивариус вернулся с плохой новостью.

Свидетельскую пластину удалось найти в каталоге, но ее выдача требовала разрешения капитана гарнизона.

Не самого Хольта.

Это было небольшим преимуществом.

Гарт отвечал за сохранность старого военного имущества, а не за содержание магической документации.

Я оставила письменный запрос и вернулась в жилую башню.

По дороге встретила Марту.

Она несла корзину с чистыми полотенцами.

— У вас такой вид, будто вы опять спорили с целым управлением, — заметила лекарка.

— Пока только с каталогом.

— И кто победил?

— Мы договорились продолжить завтра.

Марта улыбнулась.

Я остановилась возле нее.

— Можно задать вопрос?

— Разумеется.

— Почему Каэра вообще держат в этой крепости?

Она посмотрела на меня.

— Вы хотите официальное объяснение?

— Его я уже читала.

Марта переставила корзину в другую руку.

— Я приехала сюда семь лет назад. Тогда говорили, что пленника готовят к обмену.

— Семь лет назад?

— Да.

— А потом?

— Потом говорили, что обмен отложен. Позже — что его необходимо судить. Затем о суде перестали вспоминать.

Я нахмурилась.

— Он когда-нибудь предстал перед судом?

— Насколько мне известно, нет.

— Но официально считается военным преступником.

— Я не юрист, Нора.

— И все же...

Марта посмотрела на окна галереи.

— В этой крепости очень много вещей называют так, будто одно название способно заменить другое.

Я задумалась.

Хранительница.

Хозяйка.

Военнопленный.

Военный преступник.

Авария.

Смерть.

Разные слова могли менять смысл происходящего.

Особенно если их произносил человек, за которым стояла коронная печать.

— Как его лечили до вашего приезда? — спросила я.

— Нерегулярно. Удерживающая магия подавляла часть симптомов, но не устраняла повреждения.

— А теперь?

— Я стараюсь следить, чтобы он хотя бы не терял способность двигаться.

Марта посмотрела на мою руку.

— Как браслет?

— Пока без изменений.

Она не стала напоминать о пяти смертях.

За это я была ей благодарна.

— Вы ведь не верите, что он убил Лиану, — сказала я.
Лекарка помолчала.

— Я верю, что он не наносил ей намеренного удара.

— А в остальном?

— В остальном у меня слишком мало доказательств.

Я кивнула.

Ответ был неприятным.

Зато честным.

— Мне нужно кое-что проверить, — сказала я.

— Что?

— Старый договор.

Марта подняла голову.

— Если найдете его, сначала прочитайте внимательно.

— Почему?

— Потому что каждый раз, когда здесь появляется новый документ, он объясняет, почему кому-то снова запрещено уйти.

Она ушла дальше по коридору.

А я осталась стоять возле окна.

Кажется, я начинала понимать, почему в Сером Пределе никто не любил старые бумаги.

Вечером четвертого дня я снова пришла к Каэру.

Он встретил меня недовольным взглядом.

— Ты решила перенести сюда архив?

Я остановилась с папкой под мышкой.

— Пока нет. Но если Хольт продолжит прятать документы, придется.

Каэр сидел на полу возле окна.

Цепь от кольца в полу шла к его запястью и лежала между ног. Он медленно разминал пальцы левой руки.

Я заметила, что движения давались ему не совсем свободно.

— Болит? — спросила я.

Он посмотрел на кисть.

— Иногда.

— После той проверки?

— После девяти лет.

Я поставила папку на стол.

— Марта могла бы помочь.

— Помогает.

Я села на ближайший стул.

Каэр не поднялся.

И я не стала ждать, пока он это сделает.

— Я сегодня работала в архиве.

— Мне уже сообщили.

Я удивилась.

— Кто?

— Тот, кто принес обед. В крепости мало развлечений.

— И что обо мне говорят?

— Что шестая хозяйка требует документы быстрее, чем их успевают прятать.

Я невольно усмехнулась.

— Очень приятно.

Каэр посмотрел на меня.

Уголок его рта слегка дрогнул.

Потом он снова занялся рукой.

Я раскрыла папку.

— В старых документах вы указаны как военнопленный.

Он не ответил.

— Не как осужденный преступник.

Теперь Каэр поднял голову.

— И?

— Мне интересно, почему вас не обменяли после войны.

Он медленно разжал пальцы.

— Спроси у короля.

— Девять лет назад королем был другой человек.

— Тогда спроси у того, кто занял его место.

— Регент Вальк?

Каэр посмотрел на окно.

— Он любит, когда его имя произносят с уважением.

Я закрыла папку.

— Вы ведь понимаете, что подобные ответы мне ничем не помогают?

Он повернулся ко мне.

— А ты понимаешь, что девять лет задавать одни и те же

вопросы людям, которые не собираются отвечать, довольно утомительно?

Я выдержала его взгляд.

— Понимаю больше, чем вам кажется.

Каэр усмехнулся.

— Ты провела здесь четыре дня.

— А два года назад меня выгнали из управления, потому что я отказалась подписать ложное заключение.

Он перестал улыбаться.

Я сама удивилась, что сказала это.

Обычно о своем увольнении старалась говорить спокойно.

Но в присутствии Каэра почему-то захотелось назвать вещи своими именами.

— Что за заключение? — спросил он.

— О безопасности одной из городских защитных печатей. Ее хотели запустить до завершения испытаний. Я отказалась заверить результат.

— И тебя уволили?

— Сначала отстранили. Потом нашли нарушения в моих предыдущих работах.

— Настоящие?

— Некоторые.

Он поднял бровь.

— Интересно.

— Я никогда не утверждала, что работала идеально. Но нарушения не имели отношения к той проверке. Просто для

увольнения требовались формальные основания.

Каэр некоторое время смотрел на меня.

— И после этого ты согласилась подписать договор с тем же человеком?

Я почувствовала укол.

— Мне нужен был доступ к Лиане.

— Ты могла искать другой способ.

— Какой?

Он не ответил.

Я продолжила:

— Десять дней я добивалась хотя бы разрешения увидеть ее тело. Мне отказывали. После принятия договора я смогла осмотреть ее и получить медицинские записи.

Каэр смотрел на меня молча.

— Я знала, что рискую, — сказала я. — Но рассчитывала, что смогу отказаться от должности после проверки документов.

Он резко поднял голову.

— Что?

— В договоре есть право сложить полномочия.

Каэр несколько секунд смотрел на меня так, словно не понимал сказанного.

Потом медленно поднялся.

Цепь звякнула о камень.

— Покажи.

Я раскрыла нужную страницу.

Он подошел настолько близко, насколько позволяла цепь.
Наклонился над столом.

Я впервые заметила, насколько сильно он пахнет холодным железом, чистым мылом и чем-то едва уловимым, напоминающим дым.

Никаких пряных благовоний, какими в дешевых романах непременно пахли опасные мужчины.

Просто человек, которого держали в каменной комнате.

Он прочитал строку.

Потом следующую.

— Здесь говорится о прекращении полномочий.

— Да.

— Не о снятии связи.

Я почувствовала, как холодеет живот.

— Хольт утверждает, что ключ отключают после проверки.

Каэр посмотрел на меня.

— Он сказал, когда?

— Нет.

— Тогда ты ничего не знаешь.

Я захлопнула папку.

— Именно поэтому ищу старые документы.

Он отступил.

Провел ладонью по волосам.

— Нора...

Впервые он произнес мое имя без насмешки и раздраже-

ния.

Я подняла глаза.

— Да?

Каэр посмотрел на браслет.

— Не пытайся снять его сама.

Я не ответила.

Он заметил.

— Ты уже думала об этом.

— Я специалист по договорным печатям.

— Это не ответ.

— Да. Думала.

Он медленно выдохнул.

— Не делай этого.

— Я не собираюсь резать себе руку, если вы об этом.

— Есть вещи хуже порезов.

Я посмотрела на серебряные линии, уходившие под его рубашку.

— Вы знаете, как работает привязка?

— Только то, что чувствую.

— Тогда почему так уверены?

Каэр поднял руки.

Цепи тихо звякнули.

— Потому что девять лет наблюдаю, что происходит с людьми, которые думают, будто разобрались в этой печати.

Он отвернулся.

Разговор закончился.

Но в голове у меня осталась одна фраза.

«Здесь говорится о прекращении полномочий. Не о снятии связи».

Кажется, я сама произносила почти то же самое мысленно накануне.

Разница заключалась в том, что теперь услышала это от человека, которого удерживали девять лет.

На пятый день Гарт принес разрешение на осмотр свидетельской пластины.

Он появился после завтрака, держа в руках небольшую папку.

— Доступ предоставлен на один час, — сказал капитан.
— Выносить предмет из архивного крыла запрещено.

Я не сразу поверила.

— Хольт согласился?

— Материалы относятся к старому военному хранению.
Разрешение выдано мной.

— Почему?

Гарт нахмурился.

— Вы подали официальный запрос.

— Я уже подала несколько. Обычно этого недостаточно.

Он посмотрел на меня.

— Не вынуждайте пожалеть о решении.

Я взяла папку.

— Не стану.

В архиве меня уже ждали.

Свидетельская пластина лежала на плотной темной ткани.

Она оказалась длиннее моей ладони и примерно вдвое шире. Металл потемнел от времени. По краям шли небольшие углубления, в которые когда-то вставляли фиксирующие штифты.

На поверхности сохранились строки старого военного письма.

Я осторожно коснулась края.

Никакой активной магии.

Только холодный металл.

— Это дубликат? — спросила я архивариуса.

— Свидетельский оттиск первоначального договора. Юридически он имеет ту же силу, что основной экземпляр, пока не доказано нарушение оттиска.

— Где основной?

— В составе первоначальной закладной печати.

Я подняла голову.

— Его нельзя извлечь?

— Без специальной процедуры — нет.

— А этот почему сохранился?

— В описи он числился среди технических закладных.

При позднейшей переклассификации его не перенесли в общий договорной реестр.

Я задумалась.

Кто-то мог забыть о старом дубликате.

Или сознательно оставить его среди деталей, рассчитывая, что искать будут только документы.

В любом случае мне повезло.

Но пользоваться везением следовало быстро.

Я достала бумагу.

— Можно сделать копию?

Архивариус кивнул.

— Ручную. Магические оттиски запрещены.

Я придвинула лампу.

Сначала прочитала заголовок.

«Временное соглашение о передаче военного пленника под защиту коронного гарнизона».

Я замерла.

Не «содержание опасного имущества».

Не «пожизненное заключение».

Временное соглашение.

Я заставила себя читать дальше.

Стороны договора обозначались достаточно ясно.

Представитель человеческой короны принимал Каэра Рейнда, командующего пограничным крылом драконьего войска, в качестве военнопленного.

Передающая сторона гарантировала прекращение сопротивления подразделений, находившихся под его непосредственным командованием.

Принимающая сторона гарантировала сохранение жизни пленника, обеспечение необходимого содержания и запрет на использование его магической силы в военных или хозяйственных целях.

Я перечитала последнюю строку.

Потом еще раз.

Запрет на использование магической силы.

Интересно.

Очень интересно.

Ниже находился пункт о будущем обмене.

После подтверждения списков пленных Каэр Рейнд подлежал передаче представителям драконьих земель в течение девяноста суток.

Не девяти лет.

Девяноста суток.

Я медленно опустила перо.

В помещении тихо шуршала бумага.

Архивариус работал за дальним столом.

Я посмотрела на него.

— Вы раньше читали этот документ?

Он поднял голову.

— Нет, госпожа.

— Почему?

— Моя обязанность — хранить материалы, а не изучать их содержание без служебной необходимости.

Ответ был совершенно искренним.

И от этого не менее неприятным.

Я снова склонилась над пластиной.

В нижней части находилось описание первоначальной удерживающей печати.

Она предназначалась для предотвращения побега до обмена и защиты окружающих от непреднамеренного проявления драконьего пламени.

Временный хранитель назначался коронным гарнизоном.

Его обязанности заключались в наблюдении за целостностью печати и безопасностью пленника.

Никакого права собственности.

Никакого личного управления поведением.

Никакой возможности отдавать приказы по собственной воле.

Я прочитала строки снова.

На случай, если неправильно поняла старую терминологию.

Нет.

Смысл оставался однозначным.

Хранитель отвечал за безопасность.

Не владел.

Не распоряжался телом пленника.

Не превращал его жизнь в предмет договора.

На нижнем крае пластины находилась подпись.

Не чернилами.

Тонкая золотистая линия, образующая сложный знак.

Я узнала тип магического подтверждения.

Так подписывали договоры разумные существа, способные оставлять личный след силы.

Возле знака было выгравировано имя.

Каэр Рейнд.

Я провела пальцем рядом, не касаясь линий.

Девять лет назад он добровольно подтвердил этот договор.

Согласился стать пленником.

Но не чьей-то собственностью.

И не источником силы для короны.

Мне потребовалось несколько минут, чтобы аккуратно переписать весь текст.

Я не торопилась.

Каждое слово могло пригодиться.

Особенно там, где нынешние документы противоречили старым.

Когда закончила, снова проверила копию.

Затем сложила лист.

— Спасибо, — сказала я архивариусу.

Он осторожно убрал пластину в футляр.

— Нашли то, что искали?

Я посмотрела на темный металл.

— Боюсь, гораздо больше.

Каэр читал у окна.

Я вошла без папки в руках.

Только с листом, который успела переписать в архиве.

Он поднял глаза.

— Судя по лицу, ты собираешься сообщить мне что-нибудь неприятное.

— Возможно, приятное.

— В этой крепости такое случается редко.

Я подошла к столу.

— Я нашла первоначальный договор.

Он перестал двигаться.

Не изменился в лице.

Но я заметила, как пальцы медленно сжались на краю книги.

— Какой?

— Тот, который вы подписали девять лет назад.

В комнате стало тихо.

Каэр медленно поднялся.

— Покажи.

Я протянула лист.

Он взял его осторожно.

Сначала прочитал заголовок.

Потом перешел к основным условиям.

Не спешил.

Когда добрался до пункта о девяноста сутках, коротко выдохнул.

Не засмеялся.

Не выругался.

Просто долго смотрел на строку.

— Я думал, они уничтожили все копии, — сказал наконец.

— Одну оставили в техническом архиве.

— Ошибка Хольта?

— Возможно. Или он просто не считал нужным проверять старые строительные описи.

Каэр снова посмотрел на лист.

— Подпись настоящая?

— Я видела свидетельскую пластину. Магическая структура выглядит подлинной. Для полной экспертизы потребуется доступ к основному экземпляру, но признаков подделки нет.

Он медленно провел пальцем над собственным именем.

Я села напротив.

— Вы заключили этот договор добровольно?

Каэр посмотрел на меня.

— Да.

— Почему?

Он положил лист на стол.

— Потому что другого способа остановить бойню не оста-

лось.

Я ждала.

Он отвернулся к окну.

Некоторое время смотрел на ущелье.

Потом заговорил.

— Мы отходили к северной дороге. На переправе скопились раненые и беженцы. Люди. Драконы в человеческом облике. Те, кто вообще не участвовал в войне.

Он помолчал.

— За нами шли коронные части. У них был приказ взять переправу любой ценой.

— Вы могли сражаться.

— Мы сражались.

Он повернулся.

В янтарных глазах не было ни бравადы, ни гордости.

— Но мост был слишком узким. Люди не успевали уходить. Если бы преследователи прорвались, началась бы давка. Те, кто не погиб бы под копытами, оказались бы в воде.

Я представила узкую переправу.

Холодную реку.

Панику.

Людей, которым некуда бежать.

— Что вы сделали?

Каэр опустил взгляд.

— Приказал разрушить мост.

Я замерла.

— Когда там еще находились ваши люди?

Он поднял голову.

Несколько секунд смотрел на меня.

— Да.

В горле пересохло.

— Сколько?

— Тринадцать.

Я молчала.

— Они прикрывали отход. Держали преследователей на дальнем конце переправы. Я приказал подорвать опоры раньше, чем они успели вернуться.

— Почему?

Каэр посмотрел на свои руки.

— Потому что еще несколько минут — и преследователи добрались бы до обоза.

— Вы знали, что ваши люди погибнут?

Он не ответил сразу.

Потом сказал:

— Я знал, что они могут не успеть.

Разница была небольшой.

Но существовала.

Я посмотрела на его лицо.

Он не пытался оправдаться.

Не говорил, что все погибшие сами согласились.

Не просил назвать его решение героическим.

— Как их звали? — спросила я.

Каэр поднял глаза.

— Что?

— Тринадцать человек. Вы помните имена?

Он смотрел на меня долго.

Потом начал перечислять.

Первое имя прозвучало спокойно.

На втором его голос стал чуть ниже.

К пятому я поняла, что он помнит не только имена.

Он знал каждого.

Кто откуда пришел.

Кто сколько времени служил.

Кто должен был вернуться домой после окончания войны.

На последнем имени Каэр замолчал.

Я не стала задавать следующий вопрос сразу.

За окном шумел ветер.

Наконец он сказал:

— После этого командующий коронными частями предложил условия сдачи. Моих раненых и людей из обоза пропускали. Я оставался у них.

— И вы согласились?

— Да.

— Почему именно вас?

Каэр едва заметно усмехнулся.

— Я был командующим. И драконом, чье имя уже стояло на половине коронных объявлений.

Я вспомнила листовку из юности.

Черный силуэт.

Огромные клыки.

Сожженные укрепления.

— Вас обвиняли в уничтожении поселений.

Он посмотрел на меня.

— Обвиняли.

— И это правда?

Каэр некоторое время молчал.

Потом ответил:

— Я командовал войсками. Мы разрушали укрепления, склады, переправы. Иногда вместе с тем, что люди построили рядом. На войне невозможно остаться человеком, о котором все будут вспоминать с благодарностью.

— Это не ответ.

— Нет, — согласился он.

Он подошел к окну.

Цепь натянулась.

— Если ты спрашиваешь, отдавал ли я приказы, из-за которых погибали люди, ответ — да. Если спрашиваешь, правда ли я сжигал детей ради развлечения, как написано на коронных листовках, ответ — нет.

Я смотрела на него.

Хотелось получить простую истину.

Что он невиновен.

Что его оболгали.

Что девять лет в цепях провел хороший человек, которо-

му не повезло оказаться по другую сторону войны.

Но Каэр не давал мне такого удобного ответа.

Он не был чудовищем из объявлений.

И не собирался изображать святого.

— Почему вас не обменяли? — спросила я.

— Сначала говорили, что не готовы списки. Потом умер король. Начались новые распоряжения.

— А вы требовали соблюдения договора?

Он медленно повернулся.

— Каждый день первого месяца. Потом каждую неделю.

Потом перестал считать.

Я посмотрела на его запястья.

— Вы обращались в суд?

Каэр коротко рассмеялся.

— Кому?

— Военному трибуналу.

— Мне никогда не предъявляли обвинения так, чтобы я мог на него ответить.

Я замолчала.

Он посмотрел на переписанный договор.

— Меня не судили, Нора. Меня просто оставили здесь.

Слова прозвучали без жалобы.

Именно поэтому они оказались такими тяжелыми.

Я подумала о двух годах после собственного увольнения.

Как пыталась добиться пересмотра дела.

Как ждала ответов.

Как постепенно перестала верить, что кто-нибудь действительно собирается читать мои обращения.

Два года казались вечностью.

У Каэра прошло девять.

— Я попытаюсь найти документы о продлении удержания,

— сказала я.

Он поднял бровь.

— Зачем?

— Чтобы понять, кто изменил условия договора.

— Ты уже знаешь, кто ими распоряжается.

— Знать имя регента недостаточно. Мне нужно доказать, на каком основании все изменили.

Каэр посмотрел на меня.

— Ты все еще веришь в документы.

— Не во все.

— Но считаешь, что правильная бумага может что-нибудь исправить.

Я задумалась.

— Иногда может.

Он усмехнулся.

— Тогда тебе придется найти очень хорошую бумагу.

Я посмотрела на старый договор.

— Уже нашла одну.

На несколько секунд в его лице появилось что-то почти мягкое.

Потом он отвернулся.

— Не позволяй Хольту забрать копию.

— Не позволю.

И впервые за все время нашего знакомства мне показалось, что мы действительно говорим на одной стороне.

Не как хозяйка и пленник.

И даже не как два человека, вынужденных терпеть друг друга.

Как люди, которым нужна одна и та же правда.

Вечером пятого дня я снова изучала договор.

Теперь у меня была другая задача.

Не только понять, почему Каэра удерживали девять лет.

Найти разницу между первоначальной печатью и нынешней.

Старый документ описывал три главные функции.

Удержание пленника в пределах назначенной территории.

Подавление опасного проявления магии.

Сохранение жизненной целостности источника до освобождения.

Последняя формулировка меня заинтересовала.

В нормальной магической системе, рассчитанной на длительное использование, должен существовать безопасный порядок отключения.

Особенно если первоначальное назначение устройства

было временным.

Я достала собственные записи.

Нарисовала три основных узла.

Потом перенесла рядом схему современного ключа.

Разница оказалась значительной.

В первоначальном договоре хранитель отвечал за состояние печати, но его собственное тело не входило в основную цепь.

В нынешней системе браслет соединял носительницу с удерживающим узлом напрямую.

Я не знала точной схемы, но уже видела часть соединения на рисунке договора и наблюдала отклик своего ключа.

Значит, кто-то не просто добавил возможность отдавать приказы.

Кто-то изменил сам способ удержания.

Это объясняло, почему Хольт так уклончиво отвечал на вопрос о снятии браслета.

Прекратить юридические полномочия можно было на бумаге.

Разорвать действующую магическую привязку — гораздо сложнее.

Я открыла футляр с инструментами.

Внутри лежали тонкие щупы, небольшие щипцы, стеклянные пластинки для проверки потока и маленькое зеркало на длинной ручке.

Обычный набор специалиста по печатям.

Когда я собиралась в Серый Предел, взяла его почти машинально.

Теперь была благодарна себе за эту привычку.

Я достала зеркало.

Повернула левую руку под лампой.

Под внешним ободом браслета проходила очень тонкая серебряная линия.

Раньше я считала ее декоративной насечкой.

Теперь увидела, что она соединяется с внутренней пластиной.

Если осторожно приподнять ее край, можно было проверить, как изменится напряжение в управляющей части ключа.

Не снимать браслет.

Не разрывать основную связь.

Только получить данные.

Я взяла самый тонкий щуп.

И остановилась.

Вспомнила слова Каэра.

«Не пытайся снять его сама».

Я посмотрела на инструмент.

Потом на браслет.

На четвертый день я еще могла убеждать себя, что опасность существует только в будущем.

Теперь знала, что каждое промедление приближает меня к тридцатому дню.

Но и поспешное вмешательство могло оказаться смертельным.

Я медленно убрала щуп в футляр.

Одна из самых неприятных вещей в моей профессии заключалась в том, что знание часто делало человека не храбрее, а осторожнее.

Особенно когда речь шла о собственном теле.

Я закрыла футляр.

Завтра поговорю с Мартой.

А потом с Каэром.

Если собираюсь что-то проверять, лучше делать это там, где есть хотя бы один человек, способный вовремя остановить меня.

Шестой день начался с дождя.

Он стучал по стеклам с самого утра. Во дворе появились глубокие лужи, а каменные стены потемнели почти до черноты.

В архиве пахло сыростью.

Я получила еще одну папку.

На этот раз — обращения предыдущих хранительниц по вопросам передвижения и содержания.

Хольт разрешил выдачу после того, как я сослалась на право изучать существующие правила.

Вероятно, считал эти бумаги безобидными.

На первый взгляд так и было.

Просьбы заменить мебель.

Жалобы на качество отопления.

Требования увеличить жалованье.

Один официальный запрос Беаты Ровен на покупку дорогих тканей за счет гарнизона заставил меня невольно усмехнуться.

Женщина явно решила использовать преимущества своего положения полностью.

Я листала дальше.

И обнаружила прошение Агаты Дейн.

Первой хозяйки.

Лист был сложен вчетверо, края пожелтели.

В обращении Агата требовала разрешить ей покинуть территорию крепости на несколько дней.

Причина — болезнь сына, жившего в соседнем городе.

Я остановилась.

У Агаты был сын.

Об этом не говорилось ни в одной из выданных мне справок.

Я прочитала прошение внимательнее.

Женщина просила не сопровождение для прогулки.

Не временный выезд с разрешения гарнизона.

Она требовала исполнить пункт договора, согласно которому хозяйка имела право свободно покидать назначенное

место службы.

Ниже стоял ответ.

«Отказано ввиду действующего режима удержания и невозможности обеспечить безопасное пересечение внешней линии без отдельного распоряжения».

Подпись Хольта.

Я перечитала формулировку.

Внешняя линия.

Не ворота.

Не караул.

Не военная дорога.

Линия.

Слово использовали специалисты по печатям, когда говорили о границе магического воздействия.

Я взяла следующий лист.

Повторное прошение Агаты.

Она писала, что готова оставить ключ в крепости на время отъезда.

Просила объяснить, почему ей нельзя передать обязанности другому человеку.

Ответ снова был отрицательным.

Без подробностей.

«Передача действующей привязки не предусмотрена установленной процедурой».

Я почувствовала, как холодеют пальцы.

Агата хотела уехать к больному сыну.

И не могла.

Значит, женщина, которую официально называли хозяйской, тоже находилась в заключении.

Просто ее комната была лучше обставлена.

Я внимательно изучила даты.

Первое прошение подали на девятнадцатый день после принятия ключа.

Второе — на двадцать третий.

На тридцатый Агата умерла.

Мне захотелось узнать, увидел ли ее сын мать хотя бы после смерти.

Я не знала даже, сколько ему было лет.

Мог быть маленьким мальчиком.

Или взрослым мужчиной, которому просто требовалась помощь.

Но в любом случае она просила отпустить ее.

И ей отказали.

Я закрыла глаза.

На стене галереи Агата выглядела суровой женщиной, почти неприятной.

Я ничего о ней не знала.

А теперь впервые увидела человека за портретом.

Мать, которая хотела вернуться домой.

Я достала блокнот.

Записала:

«Агата Дейн. Отказ в выезде. Упоминание внешней ли-

нии. Невозможность передать действующую привязку».

Потом добавила:

«Проверить ограничение территории».

Рядом поставила вопросительный знак.

Потому что один отказ еще не доказывал, что магия действительно мешала покинуть крепость.

Возможно, Хольт просто использовал надуманный предлог.

Но если внешняя линия существовала, мне нужно было понять, как именно она связана с браслетом.

Особенно теперь, когда право на отъезд выглядело куда менее надежным, чем обещали в договоре.

После обеда я пришла к Марте.

Рассказала о старом договоре.

Показала копии.

Лекарка долго читала.

Потом закрыла папку.

— Девяносто дней, — произнесла она.

— Да.

— А он здесь девять лет.

Я кивнула.

Марта смотрела на бумаги так, будто они могли изменить что-то задним числом.

— Каэр знал условия, — сказала я. — Но не мог добиться их исполнения.

— Я никогда не видела этого договора.

— Теперь видите.

Она положила ладонь на копию.

— Он никогда не говорил, что его должны были обменять.

— Говорит, что поначалу требовал этого постоянно.

Марта опустила глаза.

— Семь лет назад, когда я приехала, он уже почти ни о чем не просил.

Я не нашла ответа.

Через некоторое время достала футляр с инструментами.

— Мне нужна ваша помощь.

Лекарка немедленно нахмурилась.

— Что вы задумали?

— Проверку ключа.

— Мы уже делали наблюдение.

— Теперь я знаю немного больше о его устройстве.

Я показала рисунок.

Марта внимательно посмотрела.

— Вы хотите разомкнуть связь?

— Нет. Только проверить вспомогательный участок.

— Нора.

— Я не собираюсь полностью снимать браслет.

— Вы обещали не вмешиваться без необходимости.

— Необходимость появилась.

Она подняла глаза.

Я рассказала о прощении Агаты.

О внешней линии.

О том, что юридический отказ мог не означать фактического освобождения.

Марта слушала молча.

Потом посмотрела на мои инструменты.

— Вы понимаете, что если ошибетесь, я могу не успеть помочь?

— Понимаю.

— Тогда зачем?

Я посмотрела на левую руку.

— Потому что мне нужно узнать, существует ли у этой системы хотя бы один безопасный способ отключения.

Марта долго молчала.

Наконец сказала:

— Я могу присутствовать при обычной проверке состояния ключа. Но не стану помогать вам разбирать его.

Я кивнула.

— Согласна.

— И если обнаружу опасные изменения, проверка сразу закончится.

— Хорошо.

Она взяла футляр.

— Каэр должен знать.

Я посмотрела на нее.

— Разумеется.
Лекарка поднялась.
— Тогда пойдемте.

Каэр встретил нас без радости.
Особенно когда увидел инструменты.
— Что это?
— Диагностическая проверка, — сказала я.
Он посмотрел на Марту.
— Твоя идея?
— Нет.
Лекарка поставила футляр на стол.
Каэр перевел взгляд на меня.
— Я предупреждал.
— Помню.
— И все равно пришла?
— Да.
Он медленно выдохнул.
— Ты удивительно последовательна в плохих решениях.
— Спасибо за оценку.
— Не за что.
Марта не выдержала.
— Вы оба можете хотя бы пять минут не спорить?
Мы одновременно посмотрели на нее.

Лекарка раздраженно поставила на стол медицинский индикатор.

— У меня утром был солдат с вывихнутым плечом, потом повар обжег руку, а теперь вы собираетесь делать то, что я категорически не одобряю. Хотя бы избавьте меня от необходимости слушать ваши язвительные замечания.

Каэр неожиданно усмехнулся.

— Как прикажешь, Марта.

Я тоже едва удержалась от улыбки.

Лекарка строго посмотрела на нас.

— Вот и прекрасно.

Она проверила индикатор.

Потом повернулась ко мне.

— Покажите руку.

Я вытянула левое запястье.

По деревянной пластине пробежало слабое свечение.

Марта записала результат.

— Теперь поверните ладонь.

Я послушалась.

Свет изменился незначительно.

— Основная связь стабильна, — сказала лекарка.

Я наклонилась над пластиной.

— Да.

Каэр наблюдал молча.

Я достала маленькое зеркало.

Подвела его к внутренней стороне браслета.

— Здесь проходит дополнительный участок.

Каэр приблизился.

Не слишком.

Ровно настолько, насколько позволяли цепи.

— И что?

— Он соединяется с управляющей пластиной. Возможно, не участвует в основном удержании.

— Возможно?

Я подняла голову.

— Я не могу утверждать без полной схемы.

— Тогда не трогай.

Марта кивнула.

— Я согласна.

Я почувствовала раздражение.

Не на них.

На ситуацию.

Передо мной находилось устройство, которое, вероятно, убило пять женщин.

Я видела отдельные элементы.

Понимала часть соединений.

И все равно была вынуждена ждать разрешения человека, который скрывал от меня документацию.

Я снова посмотрела в зеркало.

Серебряная линия имела небольшой наружный изгиб.

Если приподнять его на толщину иглы, можно было измерить напряжение без полного разрыва.

В обычной городской печати такая проверка считалась безопасной.

Но передо мной находилась не обычная городская печать.
Я знала это.

И все равно слишком сильно хотела получить ответ.
— Только измерение, — сказала я.

Марта подняла голову.

— Нора...

Я достала тонкий щуп.

Каэр резко выпрямился.

— Убери.

— Я не собираюсь...

— Убери инструмент.

Он не повысил голос.

Но прозвучало так, что я невольно остановилась.

Я посмотрела на него.

— Вы не можете решать за меня.

Лицо Каэра стало неподвижным.

— Нет, — сказал он. — Не могу.

Именно это почему-то заставило меня почувствовать себя хуже.

Я опустила глаза.

Некоторое время мы молчали.

Потом я осторожно подвела щуп к наружной насечке.

Не собиралась размыкать ее полностью.

Только чуть приподнять край.

Металл поддался неожиданно легко.

На мгновение я даже успела обрадоваться.

Потом внутри запястья что-то вспыхнуло.

Не светом.

Болью.

Я вскрикнула.

Ощущение было таким, словно через руку протянули раскаленную проволоку, а потом резко дернули ее изнутри.

Щуп выскользнул из пальцев.

Линии на браслете вспыхнули белым.

Боль поднялась до локтя.

Я попыталась отдернуть руку.

Не смогла: боль свела мышцы.

Марта что-то крикнула.

Я не расслышала.

Перед глазами потемнело.

И вдруг чья-то большая рука перехватила мое запястье.

Каэр.

Он оказался рядом быстрее, чем я успела понять.

Другой рукой он схватил упавший щуп и отшвырнул его к стене.

— Не двигайся!

Я едва дышала.

— Больно...

— Знаю.

Он удерживал мою руку неподвижно.

Не сжимал сильнее необходимого.

— Смотри на меня.

Я посмотрела на него.

Его лицо оказалось совсем близко.

— Не тяни браслет, — сказал Каэр. — Дай линии закрыться.

Я не понимала, о чем он говорит.

Но перестала дергаться.

Свет на металле мигнул.

Потом еще раз.

Боль постепенно ослабла.

Сначала в локте.

Потом в предплечье.

Последним отпустило запястье.

Я резко вдохнула.

Каэр продолжал держать мою руку.

Марта уже стояла рядом с медицинским индикатором.

— Отпустило? — спросила она.

Я кивнула.

Говорить пока не могла.

Каэр медленно разжал пальцы.

Я посмотрела вниз.

Под браслетом проступала тонкая красная полоса.

Не ожог снаружи.

Скорее след глубокой внутренней нагрузки.

Марта осторожно взяла мою руку.

— Пальцами пошевелите.

Я попыталась.

Получилось не сразу.

Мизинец почти не слушался.

— Еще раз.

Я сжала пальцы в кулак.

Боль отозвалась слабым покалыванием.

— Хорошо, — сказала лекарка. — Теперь сядьте.

Только тогда я поняла, что стою, прижавшись бедром к столу.

Ноги дрожали.

Я опустилась на стул.

Каэр отступил.

Цепи тяжело звякнули.

Марта открыла футляр и достала холодную повязку.

— Я предупреждала, — сказала она.

В голосе не было торжества.

Только усталость.

— Знаю, — ответила я.

— Вы могли повредить основной контур.

— Знаю.

Она наложила повязку.

Я поморщилась.

— Не дергайтесь.

Я послушалась.

Каэр стоял у окна.

Не смотрел на нас.

Я видела, как напряжена его спина.

— Каэр, — сказала я.

Он не обернулся.

— Спасибо.

Некоторое время ничего не происходило.

Потом он ответил:

— Не за что.

Два слова.

Сухие.

Почти сердитые.

Марта закончила перевязку.

— Сегодня никаких инструментов, — сказала она. — И завтра тоже. Пока чувствительность полностью не восстановится.

— Хорошо.

— Я серьезно.

— Я тоже.

Лекарка посмотрела на меня с сомнением.

Потом собрала вещи.

— Мне нужно принести состав для снятия остаточного напряжения. Вы можете остаться здесь на несколько минут, но больше ничего не трогайте.

Я кивнула.

Она вышла.

Дверь закрылась.

Я осталась с Каэром.

Он стоял спиной ко мне.

— Вы знали, что так произойдет? — спросила я.

— Нет.

— Но предупреждали.

— Да.

Я осторожно пошевелила пальцами.

Рука еще плохо слушалась.

— Почему?

Каэр повернулся.

Его лицо оставалось мрачным.

— Потому что эта печать не любит, когда ее разбирают.

Я посмотрела на браслет.

— Не любит?

— Можешь подобрать более точное слово.

— Защищается.

— Возможно.

Он подошел ближе.

Остановился на расстоянии нескольких шагов.

— Ты пыталась разомкнуть связь?

— Только вспомогательный участок.

— И что узнала?

Я посмотрела на повязку.

— Что он не настолько вспомогательный, как я рассчитывала.

Каэр медленно выдохнул.

— Ты могла умереть.

— Не думаю, что от такой маленькой проверки...

Я осеклась.

Он смотрел на меня.

Без насмешки.

Без раздражения.

Просто ждал, пока я сама услышу собственные слова.

Я закрыла глаза.

— Хорошо. Могла.

Он отвернулся.

Я некоторое время сидела молча.

Потом сказала:

— В первоначальном договоре был предусмотрен безопасный порядок освобождения.

Каэр посмотрел на меня.

— Знаю.

— Значит, его изменили.

— Очевидно.

— Но если первоначальная конструкция сохранилась хотя бы частично...

— Нора.

Я подняла голову.

— Что?

Он медленно подошел к столу.

Опустился на стул напротив.

— Я не прошу тебя перестать искать выход.

Это прозвучало неожиданно.

Я смотрела на него.

— Тогда чего?

Каэр посмотрел на мою перевязанную руку.

— Не пытайся доказать, что все можешь сделать одна.

Я почувствовала знакомое желание возразить.

Сказать, что у меня нет выбора.

Что Хольт скрывает документы.

Что время идет.

Но потом вспомнила, как несколько минут назад Каэр удерживал мое запястье, пока я не могла даже пошевелиться.

Он не обязан был помогать.

Никакого приказа я не отдавала.

Он мог просто стоять и смотреть.

— Хорошо, — сказала я.

Каэр поднял бровь.

— Что?

— Я сказала: хорошо. Больше не буду проверять опасные участки одна.

Он несколько секунд смотрел на меня.

— Ты уверена, что не больна?

Я неожиданно рассмеялась.

Совсем коротко.

И почти сразу поморщилась, потому что от движения отозвалась рука.

Каэр опустил глаза.

Но я успела заметить, что он тоже едва сдержал улыбку.
Я посмотрела на браслет.

— Мне нужно понять, как отделить управление от удержания.

Он поднял голову.

— Зачем?

— Потому что это разные вещи. Первоначальная печать только удерживала вас до обмена. Возможность приказывать появилась позже.

— И?

— Если эти ветви добавляли отдельно, возможно, их можно отключить отдельно.

Каэр долго молчал.

Потом посмотрел на свои цепи.

— А если ошибешься?

Я не стала отвечать сразу.

После сегодняшней проверки самоуверенность казалась особенно глупой.

— Тогда придется искать другой способ, — сказала я. — Но сначала изучу схему.

Он кивнул.

Не одобрительно.

Скорее признавая, что хотя бы в этом мы согласны.

Через несколько минут вернулась Марта.

Принесла лекарство и заставила меня выпить его при ней.

На вкус оно оказалось отвратительным.

Я поморщилась.

Каэр посмотрел на чашку.

— Теперь ты понимаешь, почему я всегда спорю с ее лечением.

Марта поставила футляр на стол.

— Я все слышу.

— Именно поэтому и говорю.

Лекарка бросила на него сердитый взгляд.

А я впервые за эти дни почувствовала, что в комнате пленника может существовать что-то, кроме страха и боли.

Всего на несколько секунд.

Но этого оказалось достаточно, чтобы запомнить.

К вечеру рука почти восстановилась.

Марта сняла холодную повязку и проверила чувствительность пальцев.

Осталось небольшое покалывание.

Я пообещала не прикасаться к инструментам, пока Марта не разрешит.

Она посмотрела на меня.

— Нора, обещание работает только в том случае, если вы собираетесь его соблюдать.

— Собираюсь.

— Тогда хорошо.

Когда лекарка ушла, я вернулась к столу.

Мне предстояло разобрать записи, полученные из архива.

Из-за утреннего происшествия я едва не забыла о небольшой папке технических приложений, которую успела взять для ознакомления.

Она лежала под остальными бумагами.

Я открыла ее здоровой рукой.

Первый лист представлял собой обычный перечень ремонтных работ.

Замена креплений.

Проверка медных жил.

Установка дополнительной защиты вокруг нижнего ритуального зала.

Все выполнялось на протяжении последних нескольких лет.

Я внимательно читала.

В некоторых местах стояли подписи Хольта.

В других — только номера приказов.

На третьем листе обнаружилась таблица изменения проводимости.

Я придвинула лампу.

Сначала ничего необычного.

Простые данные о нагрузке на удерживающие узлы.

Но внизу находился маленький рисунок.

Часть схемы.

Не полная.

Вероятно, ее оставили в приложении потому, что она считалась технической иллюстрацией, а не секретным чертежом.

Я наклонилась ближе.

На рисунке изображались две параллельные линии, соединенные короткой перемычкой.

Одна уходила к основному источнику.

Другая — к разгрузочному участку.

Между ними находился характерный двойной изгиб.

Я замерла.

Посмотрела еще раз.

Потом отодвинула бумагу.

Нет.

Не может быть.

Я подтянула лист обратно.

Приблизила лампу.

Двойной изгиб.

Короткая обратная насечка.

Смещенная точка разгрузки.

Я знала эту схему.

Не просто встречала похожую.

Знала каждую линию.

Четыре года назад я сама ее придумала.

Тогда мы работали над безопасным перенаправлением магической нагрузки при авариях городских защитных печатей.

Старые системы иногда возвращали избыточную силу через тело оператора.

Люди получали ожоги.

Теряли чувствительность.

Иногда погибали.

Мне хотелось создать такой способ разгрузки, при котором опасный поток уходил бы не через человека, а в отдельный неживой накопитель.

Я потратила почти год на расчеты.

Переписывала схему десятки раз.

И наконец нашла решение.

Двойной обход.

Он позволял перераспределять нагрузку между двумя участками, не заставляя живого оператора принимать основной удар.

Я помнила тот день.

Помнила запах нагретой меди в лаборатории.

Помнила, как Хольт стоял за моей спиной и говорил, что решение слишком дорогое для массового применения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.